

№ 1.
1956

Дрессировано 1934 г.

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

1

1 9 5 6

-- МАЙ 2008

СП6ГУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1956

№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

**НАСЛЕДОДАТЕЛЬ ВПРАВЕ НАЗНАЧИТЬ СВОИМ НАСЛЕДНИКОМ
ПО ЗАВЕЩАНИЮ ЛЮБОЕ ЛИЦО ИЗ ЧИСЛА УПОМЯНУТЫХ В СТ. 418 ГК,
НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, МОГЛО ЛИ ЭТО ЛИЦО НАСЛЕДОВАТЬ ПО ЗАКОНУ
САМОСТОЯТЕЛЬНО ИЛИ ТОЛЬКО ПО ПРАВУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ**

*Дело по иску Шадриной, Кротовой и Будниковой
о разделе наследства. Постановление Пленума
от 25 ноября 1955 г.*

2 сентября 1951 г. Шульпина в порядке ст. 12 ГК РСФСР была признана умершей. После Шульпиной осталось завещание, удостоверенное 9 декабря 1946 г. в нотариальной конторе, по которому все свое имущество Шульпина завещала в равных долях дочерям: Шадриной, Кротовой и своей внучке Будниковой — дочери Кротовой от первого брака.

Ввиду возникшего между наследниками спора дело о разделе наследства было возбуждено в народном суде.

Народный суд Работкинского района Горьковской области 21 сен-

тября 1951 г. признал, что Шадрина, Кротова и Будникова являются наследниками имущества, оставшегося после Шульпиной в соответствии с ее завещанием, однако, в иске Кротовой о разделе наследственной массы между наследниками в равных долях согласно завещанию суд отказал по тем основаниям, что Кротова получила причитающуюся ей долю 9 сентября 1937 г. В связи с этим наследственная масса была разделена не на три, а на две части, одна из которых выделена Шадриной, а другая — Кротовой и Будниковой.

1/1111-д

Судебная коллегия по гражданским делам Горьковского областного суда 13 октября 1951 г. решение народного суда оставила в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 16 января 1952 г. по протесту председателя Верховного суда РСФСР решение народного суда и определение кассационной инстанции отменила, а дело возвратила на новое судебное рассмотрение. При этом судебная коллегия указала в определении, что завещание Шульпиной в части раздела наследства между двумя дочерьми и внучкой в равных долях противоречит ст. 418 ГК РСФСР, так как внуки при жизни своих родителей не могут наследовать по завещанию имущество, оставшееся после смерти деда или бабки.

При новом рассмотрении дела народный суд того же района 26 февраля 1952 г. в соответствии с указанием Верховного суда РСФСР исклучил из числа наследников Будникову — внучку наследодателя и разделил наследственное имущество между дочерьми Шульпиной, а именно: между Шадринной и Кротовой.

Судебная коллегия по гражданским делам Горьковского областного суда 19 марта 1952 г. решение народного суда от 26 февраля 1952 г. оставила в силе.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда СССР настоящее дело рассматривалось Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР, которая 29 сентября 1954 г. протест отклонила и также указала, что внуки, как не входящие при жизни своих родителей в круг наследников по закону, не могут наследовать по завещанию имущество, оставшееся после смерти деда или бабки.

Находя это указание принципиально неправильным и не соответствующим закону, Председатель Верховного суда СССР внес протест в Пленум.

Рассмотрев протест и заслушав заключение Прокуратуры СССР, полагавшей протест удовлетворить, Пленум находит, что все судебные решения и определения, состоявшиеся по настоящему делу, подлежат отмене по следующим основаниям:

Согласно ст. 422 ГК РСФСР каждый гражданин может по завещанию оставить все свое имущество или часть его одному или нескольким лицам из числа упомянутых в ст. 418 ГК РСФСР, а также государственным органам и общественным организациям.

В числе лиц, упомянутых в ст. 418 ГК в качестве наследников по закону, указаны внуки и правнуки наследодателя. То обстоятельство, что эти лица призываются к наследованию только по праву представления, не означает, что они не входят в круг наследников по закону.

По смыслу ст. 418 ГК наследование по праву представления является лишь особым порядком призвания к наследованию по закону, причем этот особый порядок установлен не только для внуков и правнуков наследодателя, но и для некоторых других категорий наследников, как например: для трудоспособных родителей, которые призываются к наследованию, если отсутствуют наследники первой очереди, для братьев и сестер умершего, призываемых к наследованию при отсутствии наследников двух первых очередей. Различный порядок призвания к наследованию не имеет значения для определения круга наследников по закону и разница между ними лишь та, что одни наследники призываются к наследованию раньше, чем другие, но все они, то есть как те, так и другие, являются наследниками по закону.

В отличие от наследования по закону, когда осуществление права наследования происходит в порядке очередности, назначение наследников по завещанию не связано ни с очередностью, ни с правом представления.

Наследодатель в этом случае вправе назначить своим наследником по завещанию любое лицо из числа упомянутых в ст. 418 ГК, независимо от того, могло ли это лицо наследовать по закону самостоятельно или только по праву представления.

Таким образом, завещание Шульпиной, согласно которому одну треть имущества она завещала своей внучке Будниковой, не противоречит закону, и суд необоснованно исключил Будникову из числа наследников имущества Шульпиной по завещательному распоряжению последней.

По изложенным основаниям определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 16 января 1952 г. и все последующие судебные решения, состоявшиеся по делу, подлежат отмене.

Не может быть признано правильным и решение народного суда от 21 сентября 1951 г. Согласно этому решению Будникова, хотя и признана наследником по завещанию Шульпиной, однако, в разделе наследственной массы между наследниками в равных долях в соответствии с завещанием суд отказал, ссылаясь при этом на то обстоятельство, что Кротова — мать Будниковой — получила причитающуюся ей долю наследства еще 9 сентября 1937 г.

Это решение суда не основано на законе. В состав наследственного

имущества может входить только то, оставшееся после смерти наследодателя имущество, которое принадлежало ему на законных основаниях на день открытия наследства. Получение на законном основании части имущества наследодателя, которым последний при жизни своей распорядился по праву собственности, ни в коей мере не ограничивает прав этого наследника на долю, полагающуюся ему из наследственной массы по закону или завещанию.

Из дела видно, что Кротова 9 сентября 1937 г. получила от Шульпиной часть имущества и 6000 руб. денег, о чем выдала последней расписку, заверенную нотариальной конторой. Завещание Шульпина составила 9 декабря 1946 г., то есть более девяти лет спустя после передачи Кротовой части своего имущества, о котором в завещании не упоминается и которое, таким образом, не может входить в наследственную массу.

На основании всего изложенного Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, постановил:

Все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения и определения отменить, признать Будникову, Шадрину и Кротову наследниками имущества, оставшегося после Шульпиной, в соответствии с завещанием последней, и дело для определения причитающегося каждому из наследников имущества из общей наследственной массы передать в тот же суд на новое рассмотрение.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ПОЛУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПО ПОДЛОЖНЫМ ДОКУМЕНТАМ ДОЛЖНО РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ХИЩЕНИЕ И В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА ФАКТИЧЕСКИ ПРИСВОЕНИЕ НЕ БЫЛО ОСУЩЕСТВЛЕНО ПО НЕ ЗАВИСЯЩИМ ОТ ОСУЖДЕННОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

*Дело Попова. Определение Транспортной коллегии
от 10 сентября 1955 г.*

Ростовским линейным транспортным судом 8 июня 1955 г. осужден Попов по ст. 120, ч. 1, УК РСФСР и оправдан по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев протест Главного транспортного прокурора, Транспортная коллегия установила:

Попов признан виновным в том, что он, работая мастером цеха водоснабжения Краснодарского отделения дороги, составил четыре фиктивных доверенности от имени рабочих цеха водоснабжения Нарыкова В. Д., Нарыкова Д. С., Карипиди, Костогрыза и на этих доверенностях учинил подписи рабочих, обманным образом заверил доверенности у инженера водоснабжения и в январе 1955 г. по ним получил 1214 р. 56 к., которые причитались рабочим в возмещение расходов по командировкам. Кроме того, Попов с целью сокрытия получения денег

подделал бланк командировочной ведомости на Костогрыза, изготовил заявление о начислении командировочных денег за декабрь 1954 года, передав их в бухгалтерию отделения дороги.

Главный транспортный прокурор считает, что оправдательный приговор Попову по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» вынесен вопреки имеющимся в деле доказательствам, а поэтому просит отменить его.

Транспортная коллегия, рассмотрев протест, находит его правильным, поскольку умысел у Попова был направлен на присвоение государственных средств.

Попов получал деньги за рабочих по поддельным доверенностям без их ведома. Так, например, 12 марта 1955 г. был уволен рабочий Костогрыз, однако Попов ни в момент увольнения, ни после увольнения не только не сказал Костогрызу о по-

лученных деньгах, но составил новые фиктивные документы с целью повторного получения денег, причитавшихся рабочему.

Попов получил деньги в январе 1955 г. и лишь после того, как материал был 4 апреля 1955 г. послан в прокуратуру, он вернул деньги Нарыковым 11 апреля, Карипиди — 13 апреля, а Костогрызу — 20 апреля 1955 г.

Приведенные объективные данные свидетельствуют о том, что Попов получал деньги не для передачи их рабочим, а для присвоения их в личную собственность.

При таких данных у суда не было оснований для вынесения Попову оправдательного приговора по ст. 1

указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Соглашаясь с протестом, Коллегия определила:

Оправдательный приговор Ростовского линейного транспортного суда от 8 июня 1955 г. в отношении Попова по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» отменить, а дело в этой части возвратить для нового рассмотрения со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но в другом составе судей.

2. ХИЩЕНИЕ НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК СОВЕРШЕННОЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ, ЕСЛИ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЯВЛЯЛСЯ ОДИН ИЗ ОСУЖДЕННЫХ, А ДРУГОЙ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ С ИСПОЛНИТЕЛЕМ ЛИШЬ СОДЕЙСТВОВАЛ СОКРЫТИЮ ПОХИЩЕННОГО ИМУЩЕСТВА

*Дело Зуева, Симгера и Иваницкого.
Определение Транспортной коллегии от 28 сентября 1955 г.*

Новосибирским линейным транспортным судом Зуев, Симгер и Иваницкий осуждены по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Свердловский окружной транспортный суд приговор в отношении Симгера оставил в силе, но, применив ст. 51 УК РСФСР, снизил ему наказание. В отношении Иваницкого и Зуева дело в кассационном порядке не рассматривалось, так как они приговор не обжаловали.

Председатель Верховного суда СССР внес протест на приговор линейного транспортного суда. В протесте поставлен вопрос о перекалфикации преступления Зуева со ст. 2 указа Президиума Верховного Со-

вета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по ст. 1 этого же указа, а в отношении Иваницкого и Симгера — по ст. 17 УК РСФСР — ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев протест, Транспортная коллегия установила:

Зуев, Симгер и Иваницкий, работавшие первым экспедитором, а два последних — грузчиками транспортной конторы треста № 25, признаны виновными в том, что они 3 декабря 1953 г. при получении груза на ст. Юрга Томской ж. д. похитили один ящик с изделиями из кожи.

Стоимость похищенного составляет 1349 р. 17 к.

Как указано в приговоре, Зуев, Иваницкий и Симгер совместно совершили хищение одного ящика с грузом. На этом основании действия их квалифицированы судом по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Между тем такое утверждение приговора противоречит обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного следствия. Как усматривается из показаний Зуева, он один совершил хищение ящика с грузом и об этом сказал Иваницкому и Симгеру только после того, как прибыли на склад для сдачи привезенного на автомашинах груза. Симгер и Иваницкий также утверждали, что о хищении Зуевым груза на ст. Юрга им стало известно после того, как хищение было уже совершено. Узнав о хищении, Иваницкий и Симгер доставили похищенное на квартиру Зуева, где каждый из них получил часть из похищенного груза.

Таким образом, установлено, что Симгер и Иваницкий не состояли в сговоре с Зуевым, непосредственного участия в хищении не принимали, а явились лишь соучастниками хищения. Соучастие их выразилось в оказании содействия Зуеву в сокрытии похищенного.

В связи с этим Транспортная коллегия, считая протест подлежащим удовлетворению, определила:

Приговор линейного суда в отношении Зуева, Иваницкого и Симгера и определение Свердловского окружного транспортного суда в отношении Симгера изменить: переqualифицировать преступление со ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» в отношении Зуева по ст. 1 этого указа, а в отношении Иваницкого и Симгера — по ст. 17 УК РСФСР — ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В соответствии с этим снизить им меру наказания.

3. КРАЖА ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНА КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ КАК ПОВТОРНАЯ В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАЛА КРАЖА ОДНОРОДНОГО ПО ВИДУ СОБСТВЕННОСТИ ИМУЩЕСТВА

Дело Филипповой. Определение Транспортной коллегии от 17 сентября 1955 г.

Ленинградский линейный транспортный суд Филиппову, ранее судимую по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осудил по ч. 2 ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Главный транспортный прокурор внес протест на приговор суда.

Рассмотрев протест, Транспортная коллегия установила:

Филиппова признана виновной в том, что, следуя в вагоне поезда № 29, она 10 марта 1954 г. похитила у пассажира Васильевой чемодан с личными вещами и сошла с поезда на ст. Бологое Октябрьской ж. д., где и была задержана.

Транспортная коллегия находит протест Главного транспортного прокурора обоснованным.

Филиппова в прошлом была судима за хищение государственного имущества, а не личной собственности граждан. Поскольку ею были совершены два неоднородных по виду собственности хищения, преступление Филипповой по данному делу надлежало квалифицировать по ст. 1, ч. 1, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Квалификация

судом преступления Филипповой по ст. 1, ч. 2, этого указа по признаку повторности является неправильной.

В связи с изложенным Транспортная коллегия определила:

Приговор Ленинградского линейного транспортного суда в отношении Филипповой изменить, переквалифицировать ее преступление с ч. 2 по ч. 1. ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

4. КРАЖА ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНА РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ПОВТОРНАЯ И В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАЛО ОСУЖДЕНИЕ ЛИЦА ЗА РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ, ПОСКОЛЬКУ В ОБОИХ СЛУЧАЯХ РЕЧЬ ИДЕТ О ЗАВЛАДЕНИИ ОДНОРОДНЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Дело Четверикова. Определение Транспортной коллегии от 5 ноября 1955 г.

Харьковским линейным транспортным судом осужден Четвериков по ч. 2 ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Ранее Четвериков был осужден также по ч. 2 ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Мера наказания Четвериков отбыл в 1955 году.

Четвериков признан судом виновным в том, что он 19 июля 1955 г. на ст. Ковячи Южной ж. д., в момент отправления пассажирского поезда, через открытое окно вагона № 8 похитил женский жакет, принадлежащий гражданке Рыбиной. Впоследствии Четвериков был задержан и похищенное у него изъято.

Киевский окружной транспортный суд, рассматривая дело в кассационном порядке, приговор суда в отношении Четверикова изменил: действия его переквалифицировал с ст. 1 ч. 2 указа от 4 июня 1947 г.

«Об усилении охраны личной собственности граждан» по ст. 1 ч. 1 того же указа.

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором просил об отмене определения окружного транспортного суда вследствие необоснованного изменения квалификации преступления.

Рассмотрев протест, Коллегия считает, что он подлежит удовлетворению. Суд первой инстанции квалифицировал действия Четверикова по ст. 1 ч. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на том основании, что Четвериков повторно совершил хищение личной собственности граждан, так как в 1950 году он осужден был за разбойное нападение.

Окружной транспортный суд мотивировал изменение квалификации преступления Четверикова тем, что в прошлом он судим не за аналогичное преступление, а за разбой и что

в силу этого и в соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 апреля 1954 г. действия Четверикова нельзя было рассматривать как повторное хищение личной собственности граждан.

Окружной транспортный суд, ссылаясь на постановление Пленума Верховного суда СССР, повидимому, имел в виду постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г., а не от 28 апреля 1954 г., как это ошибочно указано в определении.

Между тем в п. 11 постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не содержится никаких оснований для переквалификации действий Четверикова с ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» по ст. 1, ч. 1, того же указа. В постановлении Пленума Верховного суда СССР сказано, что

кража личного имущества рассматривается как повторная, если ей предшествовала кража такого же имущества. Постановление Пленума Верховного суда СССР имеет в виду разнородные по форме собственности хищения, как хищение государственного имущества и кража личного имущества граждан. Поскольку Четвериков совершил вторично однородное преступление, которое, как и первое, направлено на завладение личным имуществом граждан, действия Четверикова Харьковским линейный суд правильно квалифицировал по ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

В силу изложенного, соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Транспортная коллегия определила:

Определение Киевского окружного транспортного суда по делу Четверикова отменить и дело направить в Ростовский окружной транспортный суд для рассмотрения в кассационном порядке.

**5. ИСХОДЯ ИЗ РАЗМЕРОВ И СУММЫ ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВУ
УЩЕРБА ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАНО СО СТ. 1 УКАЗА
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 4 ИЮНЯ 1947 Г.
«ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА» ПО Ч. 1 УКАЗА ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 10 ЯНВАРЯ 1955 Г. «ОБ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА»**

*Дело Бугаева. Определение Транспортной коллегии
от 9 июля 1955 г.*

Линейный суд Северо-Донецкой ж. д. осудил Бугаева по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Окружной суд железнодорожного транспорта Донецкого округа приговор линейного суда оставил в силе.

Председатель Верховного суда СССР внес протест на приговор и определение по этому делу.

Бугаев согласно приговору признан виновным в том, что он, работая бригадиром 7-го околотка 1-й дистанции пути Северо-Донецкой ж. д., 8 июля 1952 г. похитил семь шпал стоимостью 274 р. 62 к.

В протесте Председателя Верховного суда СССР вина Бугаева в хи-

нении не оспаривается, однако поставлен вопрос о переквалификации преступления Бугаева по ч. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев дело и протест, Транспортная коллегия Верховного суда СССР установила:

Материалами дела доказана виновность Бугаева в хищении семи шпал. Это хищение государственного имущества как по своим незначительным размерам, так и по сумме причиненного государству ущерба следует отнести к категории мелкого хищения. На основании изложенного Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Северо-

Донецкой ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Донецкого округа в отношении Бугаева изменить, действия его переквалифицировать со ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по ч. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества» и определить ему наказание в виде трех месяцев лишения свободы, без поражения в правах.

Конфискацию имущества, принадлежащего Бугаеву, как не предусмотренную санкцией ч. 1 указа от 10 января 1955 г., из приговора исключить.

6. ВЫЕЗД В РЕИС НА ТЕХНИЧЕСКИ НЕИСПРАВНОЙ АВТОМАШИНЕ, НЕ ДАВАЛ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПО СТ. 59^{3в} УК РСФСР, ТАК КАК УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ПРОИСШЕДШАЯ АВАРИЯ НЕ НАХОДИЛАСЬ В ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ С НЕИСПРАВНОСТЬЮ МАШИНЫ

Дело Ладнова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 9 ноября 1955 г.

Фрунзенским областным судом 20 августа 1954 г. Ладнов осужден по ст. 59^{3в} УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на приговор и определение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

26 мая 1953 г. около 10 час. утра Ладнов следовал на автомашине ЗИС-5 из с. Калининское в г. Фрунзе. На 29-м километре в с. Каганович он увидел идущую ему навстречу лошадь, запряженную в двухколесную повозку. Ладнов во избежание столкновения с повозкой взял

правее по ходу движения автомашины. Когда автомашина приблизилась к повозке, лошадь испугалась и бросилась вначале к машине, а затем резко повернула вправо, в результате чего повозка стала поперек дороги — в центре шоссе, но Ладнов, как утверждается в приговоре, не принял мер предосторожности и продолжал движение со скоростью 20—25 километров в час, не имея возможности остановить автомашину якобы из-за неисправности тормозов, вследствие чего задел повозку бортом автомашины. От удара машины находившийся на повозке гражданин Артюхов упал на шоссе и, получив перелом костей основания черепа, скончался.

Приговор и определение подлежат отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

Настоящее дело рассматривалось народным и областным судом пять раз. Каждый раз вышестоящими судебными инстанциями республики приговоры отменялись с направлением дела на новое судебное рассмотрение.

Основными вопросами, интересовавшими вышестоящие судебные органы при отмене приговора, являлись: имеется ли в действиях осужденного состав преступления, предусмотренный ст. 59^{3в} УК РСФСР и мог ли он предотвратить аварию, происшедшую 26 мая 1954 г., или же авария произошла по не зависящим от него обстоятельствам. В этой связи в определениях ставился вопрос о необходимости тщательной проверки обстоятельств дела, при которых была совершена авария.

По этим существенным вопросам суды при каждом новом рассмотрении дела приходили к различным выводам и, наконец, 20 августа 1954 г. Фрунзенским областным судом Ладнов был признан виновным по ст. 59^{3в}, ч. 1, УК РСФСР.

Областной суд, описывая вначале в приговоре все обстоятельства, при которых задета бортом машины повозка, указывает, что Ладнов виновен, во-первых, в том, что он, видя, что лошадь испугалась, не принял мер предосторожности и продолжал движение со скоростью 20—25 километров в час, во-вторых, выехал в рейс на автомашине с неисправными тормозами.

Однако эти выводы суда не основаны на материалах дела.

Ладнов на предварительном и судебном следствии показал, что он действительно ехал со скоростью 20—25 километров в час, но, увидя впереди повозку, уменьшил скорость движения автомашины до 15 километров в час и взял машину правее, дав предупреждающий сигнал, но когда подъехал к повозке на расстоянии четырех метров, лошадь

бросилась в сторону машины, он повернул машину еще правее к кювету, в это время он услышал сзади машины треск, и что он не предвидел, что лошадь внезапно бросится в сторону машины, а затем резко повернется вправо.

Свидетель Логинов, сидевший в кабине автомашины, подтверждая показания Ладнова, на суде показал, что когда Ладнов увидел встречную повозку, то он сразу снизил скорость автомашины и, дав предупреждающий сигнал, взял еще правее. Поровнявшись с машиной, лошадь неожиданно бросилась в сторону машины и тут же раздался треск. Это обстоятельство подтвердил и свидетель Бондарев.

Эксперт — автоинспектор Шушлебин на суде показал, что, поскольку лошадь бросилась к машине неожиданно, то Ладнов не смог немедленно остановить машину. Далее эксперт заключил, что на расстоянии четырех метров от лошади, неожиданно бросившейся в сторону машины, ехавший со скоростью 15 километров в час шофер при всех условиях, если бы даже тормоза были исправны, не мог предотвратить аварию.

Таким образом, установлено, что Ладнов, увидев встречную повозку, принял все меры предосторожности, обеспечивающие безопасность движения, но когда лошадь в непосредственной близости от машины испугалась и неожиданно бросилась в сторону машины и резко повернула вправо, то Ладнов при всем его внимании не мог предотвратить аварию даже при полной исправности тормозов.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Фрунзенского областного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР в отношении Ладнова отменить и дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

7. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПО ОБВИНЕНИЮ В ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТИ

*Дело Зеленко. Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 17 декабря 1955 г.*

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Марийской АССР Зеленко была осуждена по ст. 111 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 5 октября 1955 г. приговор в отношении Зеленко отменила и дело прекратила.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об отмене определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и направлении дела на новое кассационное рассмотрение, Судебная коллегия установила:

Зеленко по приговору суда признана виновной в том, что, работая дежурным врачом станции скорой помощи в г. Йошкар-Ола, преступно-халатно отнеслась к своим служебным обязанностям, а именно: 27 мая 1955 г. вызванная на квартиру к больному Смышляеву, не оказала ему никакой помощи, не измерила температуру, не выслушала его, не приняла мер к госпитализации и уехала, а в журнале регистрации сделала следующую запись: «Обнаружен запах алкоголя изо рта, палпировать органы брюшной полости не дал, сердце и легкие норма, температура нормальная, помощь не требовалась».

В 12 час. того же дня больной был обследован участковым врачом Тумановой и направлен в хирургическое отделение больницы, где Смышляев был оперирован по поводу прободения двенадцатиперстной кишки. Однако из-за несвоевременной госпитализации больной умер от гнойного перитонита.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления по тем мотивам, что врач Зеленко

при посещении больного допустила диагностическую ошибку, за что она должна нести ответственность в дисциплинарном, а не в уголовном порядке.

Проверив материалы дела, Судебная коллегия Верховного суда СССР считает, что доводы судебной коллегии Верховного суда РСФСР нельзя признать обоснованными, поскольку ими не учтены имеющиеся в деле данные, что врач Зеленко, вызванная к больному Смышляеву, допустила не только диагностическую ошибку.

Свидетели-очевидцы Макарова — санитарка, которая сопровождала врача Зеленко, Смышляева В. В. и Смышляева Е. И. показали в суде, что Зеленко, находясь на квартире больного Смышляева П. М., температуру не измерила, не выслушала его, потребовала от больного ослабить мышцы живота, чего он сделать не смог вследствие болезненного состояния, а потом уехала, не оказав больному никакой помощи. Однако в журнале регистрации она отразила, что температура нормальная, больному помощь не требуется.

Если эти обстоятельства признать установленными, то нельзя считать, что Зеленко допустила лишь диагностическую ошибку.

В заключении судебно-медицинской экспертизы указано, что при подробном обследовании больного возможно было установить правильный диагноз и путем производства своевременной операции сохранить жизнь больному Смышляеву.

Кроме того, из материалов дела, в частности из показаний врачей Жуковой и Малинова, усматривается, что Зеленко и ранее допускала небрежное отношение к работе, отказывалась от вызовов, за что имела

предупреждение от администрации. Имелись жалобы от больных на грубость Зеленко.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, определила:

Определение судебной коллегии

по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 5 октября 1955 г. в отношении Зеленко отменить и дело возвратить на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию, но в ином составе судей.

8. НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗА ДЕЙСТВИЯ, НЕ ВЫХОДЯЩИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ СЛУЖЕБНОГО ПРОСТУПКА

Дело Чакиряна. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 октября 1955 г.

[Извлечение]

Народным судом 1-го участка Гагрского района, Абхазской АССР Чакирян осужден по ст. 117 УК Грузинской ССР (халатность).

Рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Чакирян признан виновным в том, что, работая начальником автостанции Ахани-Гагра Гагрской автотранспортной конторы, он, вследствие халатного отношения к своим служебным обязанностям, утерятил билеты на право проезда в автобусе в количестве 93 тыс. штук.

Приговор народного суда подлежит отмене по следующим основаниям:

Суд признал установленным, что «ни предварительным, ни судебным следствием не доказано, что подсудимый Чакирян похитил автобилеты и через какое-либо лицо пустил их в реализацию, так как произведенной судебно-бухгалтерской экспертизой фактов реализации билетов, не

отмеченных в контрольных листах, не установлено».

Поскольку билеты не были реализованы, они сами по себе не представляли никакой ценности для Чакиряна, и присвоение их лишено смысла.

Суд сделал правильный вывод, что билетами, утерянными Чакиряном, никто не воспользовался, и что они не были реализованы. Никакого ущерба транспортной конторе, вследствие утраты билетов не причинено.

Поскольку действиями Чакиряна не причинено ущерба ни государству, ни частным лицам, не было оснований привлечь его по этому делу к уголовной ответственности, а следовало ограничиться мерами дисциплинарного воздействия.

На основании изложенного Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го участка Гагрского района Абхазской АССР в отношении Чакиряна отменить и дело на основании ст. 4, п. 5, УПК Грузинской ССР прекратить.

9. ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИИ ОБВИНЯЕМОГО ПО СТ. 142 УК РСФСР НЕОБХОДИМО НАЛИЧИЕ УМЫСЛА НА ПРИЧИНЕНИЕ ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ

Дело Соловьева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 октября 1955 г.

[Извлечение]

Красноярским краевым судом Соловьев осужден по ст. 142, ч. 1, УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Соловьев признан виновным в том, что он выстрелом из имевшегося у него пистолета нанес Филиппову тяжкое телесное повреждение.

Как установлено предварительным и судебным следствием, тяжкие телесные повреждения нанесены Филиппову при следующих обстоятельствах.

13 ноября 1954 г. около 9 час. вечера Соловьев и Шотт и их жены возвращались домой из кинотеатра. На углу Краснопартизанской и Пролетарской улиц они встретили пьяного Филиппова. Соловьев и его спутники, уступив дорогу, пропустили Филиппова и пошли дальше, но Филиппов, как он сам утверждает, услышав оскорбительную фразу по своему адресу, вернулся и с криком: «Стойте, я вам покажу!» пошел за Соловьевым. Соловьев, предполагая, что Филиппов направляется к ним с хулиганскими намерениями, из имевшегося у него пистолета произвел предупредительный выстрел вверх. Однако Филиппов продолжал приближаться к Соловьеву. Когда Филиппов подошел к Соловьеву совсем близко, то между ними возникла борьба, во время которой выстрелом из пистолета, находившегося у Соловьева, было нанесено Филиппову ранение в живот. Соловьев предложил Филиппову отправить его в больницу, но тот от этого отказался. Проверив у Филиппова документы, Соловьев ушел домой.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, освидетельствовавшей Филиппова, огнестрельное ранение в область живота относится к разряду тяжких.

Соловьев, не признавая себя виновным в умышленном ранении Филиппова, объяснил, что когда прошедший мимо них в нетрезвом состоянии неизвестный гражданин, впоследствии оказавшийся Филипповым, возвратился и стал их до-

гонять, крича: «Стойте, я вам покажу!», держа правую руку в кармане брюк, то у него создалось впечатление, что Филиппов держит в кармане оружие. Желая предотвратить столкновение с Филипповым, он произвел предупредительный выстрел вверх. Филиппов не остановился и вплотную приблизился к нему. Тогда он, считая, что у Филиппова в правой руке оружие, схватил Филиппова за правую руку, но в это время из пистолета произошел глухой выстрел. Соловьев пояснил, что намерения стрелять в Филиппова он не имел, выстрел произошел случайно. На его предложение отправить Филиппова в больницу последний отказался, в связи с чем он, Соловьев, не поверил заявлению Филиппова о его ранении.

Эти объяснения Соловьева об обстоятельствах ранения Филиппова не только не опровергаются материалами дела, но и подтверждаются свидетелями Шотт и Юрасовской.

Излагая обстоятельства дела, эти свидетели пояснили, что когда прошедший мимо них Филиппов с возгласом «Стойте, я вам покажу!», стал к ним возвращаться, вид у него был настолько «угрожающий», что они испугались, предполагая, что у Филиппова в кармане оружие. Шотт показал, что Филиппов упал после второго выстрела, а этот выстрел произошел в тот момент, когда Соловьев левой рукой держал Филиппова за правую руку, находившуюся в кармане.

Никто из других допрошенных свидетелей не мог показать, при каких конкретных обстоятельствах возникло столкновение между Филипповым и Соловьевым и при каких обстоятельствах был ранен Филиппов, так как эти свидетели не были очевидцами происшедшего.

Вывод, что Соловьев второй выстрел произвел в Филиппова умышленно, суд обосновал исключительно на показаниях потерпевшего Филиппова, который утверждал, что слышал он лишь один выстрел и этим выстрелом был ранен в живот в тот

момент, когда пытался подняться с земли. Такие показания Филиппов дал на первом судебном заседании 18 апреля 1955 г. На втором судебном заседании Филиппов уже утверждал, что выстрел в него был произведен в момент, когда он поднялся с земли и стоял с Соловьевым рядом.

При первом рассмотрении дела в народном суде 1-го участка г. Канска 18 апреля 1955 г. судебно-медицинский эксперт, исходя из расположения входного отверстия и раневого канала, дал заключение, что объяснения Соловьева об обстоятельствах, при которых произошел второй выстрел, более соответствуют объективным данным, чем объяснения Филиппова.

Таким образом, обвинение Соловьева в том, что у него отсутствовал умысел на причинение ранения Филиппову и что выстрел произошел случайно в момент, когда он рукой, в которой находился пистолет, пы-

тался удержать правую руку Филиппова, находившуюся в кармане, материалами дела не опровергнуто. В связи с этим квалификацию преступления Соловьева по ст. 142, ч. 1, УК РСФСР нельзя признать правильной.

Собранными по делу доказательствами установлено, что ранение Филиппова явилось следствием сознательного несоблюдения Соловьевым правил предосторожности в обращении с имевшимся у него пистолетом. Эти действия Соловьева надлежит квалифицировать по ст. 145, ч. 1, УК РСФСР.

В связи с изложенным Коллегия определила:

Приговор Красноярского краевого суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Соловьева изменить: действия его переклассифицировать с ст. 192, ч. 1, УК РСФСР по ст. 145, ч. 1, УК РСФСР.

10. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВСЛЕДСТВИЕ НЕОБОСНОВАННОГО СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ХУЛИГАНСТВО

Дело Семчурина. Определение Транспортной коллегии от 30 ноября 1955 г.

Семчурин осужден Московско-Рязанским линейным транспортным судом по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР с применением ст. 51 УК РСФСР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы, с удержанием 25 процентов из заработной платы.

Московский окружной транспортный суд, рассмотрев кассационный протест прокурора Московского участка Московско-Рязанской ж. д., признал, что, исходя из обстоятельств дела и данных о личности Семчурина, у линейного суда были основания для применения к нему ст. 51 УК РСФСР, и поэтому отклонил кассационный протест прокурора.

Рассмотрев протест Главного транспортного прокурора на приговор линейного суда и определение окружного суда, Транспортная коллегия установила:

Семчурин признан виновным в том, что он 31 июля 1955 г., следуя в электропоезде, допустил хулиганские действия. Находясь в нетрезвом состоянии в детском вагоне, Семчурин выражался нецензурными словами, ударил из хулиганских побуждений Искрич ногой в пах и при задержании нанес милиционеру Новикову удары кулаком в грудь и в голову.

Коллегия находит, что протест Главного транспортного прокурора подлежит удовлетворению.

Как видно из дела, и что признано самим судом, поведение Семчурина в вагоне отличалось особой дерзостью и цинизмом. Оно вызвало законное возмущение всех пассажиров детского вагона. На предложение прекратить хулиганство Семчурина отвечал еще большей бранью.

Приговор линейного суда и определение окружного суда являются неправильными и не обеспечивающими борьбы с таким опасным преступлением как хулиганство.

Приведенные в приговоре линейного суда мотивы при учете конкретных обстоятельств данного дела,

признанных судом, были без достаточных оснований расценены судом как обстоятельства, которые давали возможность для назначения наказания ниже низшего предела, указанного в законе.

В связи с изложенным Транспортная коллегия определила:

Приговор Московско-Рязанского линейного транспортного суда и определение Московского окружного транспортного суда в отношении Семчурина отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение в тот же суд в другом составе.

11. ОПРЕДЕЛЯЯ НА ОСНОВАНИИ СТ. 51 УК РСФСР НАКАЗАНИЕ НИЖЕ НИЗШЕГО ПРЕДЕЛА, СУД ВПРАВЕ ВМЕСТО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НАЗНАЧИТЬ ЛЮБОЕ БОЛЕЕ МЯГКОЕ НАКАЗАНИЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ДЕНЕЖНЫЙ ШТРАФ

Дело Семеновой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 ноября 1955 г.

Народный суд Калининского района Чувашской АССР 28 января 1955 г., рассмотрев дело по обвинению Семеновой в краже барана у Михайловой и двух овец у Захаровой и Никитина и признав виновность ее доказанной, приговорил ее по ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на основании ст. 51 УК РСФСР к штрафу в сумме 1000 руб.

Народный суд мотивировал назначение наказания ей ниже низшего предела, указанного в ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» тем, что она ранее не судима, страдает тяжелым недугом и имеет на иждивении пятерых малолетних детей.

Прокурор Чувашской АССР принес протест в президиум Верховного суда Чувашской АССР на приговор по делу Семеновой по мотивам назначения ей наказания, не предусмотренного ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

Президиум Верховного суда Чувашской АССР 25 февраля 1955 г. протест отклонил.

По тем же мотивам прокурор РСФСР принес протест на приговор по делу Семеновой в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, которая 31 мая 1955 г. удовлетворила протест и дело по обвинению Семеновой направила на новое рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР обосновала отмену приговора по делу Семеновой тем, что народный суд

назначил ей наказание в виде денежного штрафа в нарушение ст. 42 УК РСФСР, не предусматривающей замену штрафа лишением свободы и лишения свободы — штрафом.

Народный суд Красноармейского района Чувашской АССР 27 июля 1955 г. осудил Семенову по ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на основании ст. 51 УК РСФСР к одному году лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Чувашской АССР 11 августа 1955 г. оставила приговор в силе.

Генеральный Прокурор СССР принес протест на приговор народного суда Красноармейского района от 27 июля 1955 г., определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Чувашской АССР от 11 августа 1955 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 31 мая 1955 г.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 31 мая 1955 г. неправильным, так как оно не соответствует смыслу ст. 42 УК РСФСР.

Статья 42 УК РСФСР предусматривает штраф как основное и как дополнительное наказание и не допускает замену штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом. Однако последнее указание имеет в виду случаи замены штрафа лишением свободы, и наоборот, в процессе исполнения приговора. По данному же делу народный суд на-

значил Семеновой штраф в сумме 1000 руб., как основное наказание и никакой замены ей этого наказания другим наказанием в процессе исполнения приговора не производил.

Поскольку народный суд нашел возможным по исключительным обстоятельствам дела назначить Семеновой наказание ниже низшего предела, указанного в ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», то он в соответствии со ст. 51 УК РСФСР мог назначить ей любое наказание, в том числе и в виде денежного штрафа, так как ст. 51 УК РСФСР в этом смысле не предусматривает ограничений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР согласилась с протестом и в той части, что с учетом личности Семеновой, первой судимости, ее болезненного состояния и наличия у нее малолетних детей, народный суд имел основания для назначения ей наказания, не связанного с лишением свободы.

На основании изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 31 мая 1955 г., приговор народного суда Красноармейского района от 27 июля 1955 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Чувашской АССР от 11 августа 1955 г. по делу Семеновой отменить, оставив о ней в силе приговор народного суда Калининского района Чувашской АССР от 28 января 1955 г. и постановление президиума Верховного суда Чувашской АССР от 25 февраля 1955 г.

12. ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА ПОДЛЕЖАЩЕГО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА ЛИЦОМ, СОВЕРШИВШИМ НЕКОРЫСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СУД ДОЛЖЕН ОБСУДИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 83^б КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ РСФСР.

I

Дело Гудеменко. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 ноября 1955 г.

Народным судом 4-го участка Ворошиловского района г. Сталинграда Гудеменко осуждена по ст. 111 УК РСФСР со взысканием с нее в пользу треста № 22 — 51 145 р. 67 к.

В кассационном порядке приговор не обжалован.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об изменении приговора в части взыскания с Гудеменко средств в возмещение причиненного ущерба, Коллегия установила:

Гудеменко признана виновной в том, что она, работая с ноября 1948 года по август 1949 года комендантом жилищно-коммунального отдела треста № 22, халатно относилась к служебным обязанностям, в результате чего образовалась недостача материальных ценностей на сумму 51 145 р. 67 к.

Халатное отношение Гудеменко к служебным обязанностям, как видно из приговора, выразилось в том, что она, принимая имущество от своего предшественника, бывшего коменданта жилищно-коммунального отдела, надлежащим образом не проверила количества и качества передаваемых ей материальных ценностей. Она же, выдавая постельные принадлежности рабочим, в арматурные карточки выданное имущество не записывала.

Гудеменко признала себя виновной в допущенной ею халатности. Однако приговор народного суда в части взыскания с Гудеменко 51 145 р. 67 к. в возмещение образовавшейся недостачи подлежит изменению по следующим основаниям:

Из дела видно, что Гудеменко работала в системе треста № 22 на строительстве завода рабочей, затем бригадиром и, как хорошую работницу, в ноябре 1948 года ее выдвинули на должность коменданта жилищно-коммунального отдела треста № 22, пообещав ей помощь в работе.

Но, несмотря на то, что Гудеменко опыта хозяйственной работы не имела, помощи в работе ей не было оказано. Бухгалтерия треста № 22 не оказала ей помощи даже в приемке материальных ценностей от ее предшественника — бывшего коменданта жилищно-коммунального отдела Колбынкова. В результате Колбынков вместо сдачи материальных ценностей в натуре передал ей, Гудеменко, тетрадь, в которой часть имущества значилась выданной семейным рабочим, которые к тому времени уже выехали неизвестно куда, о чем Гудеменко не знала.

С другой стороны, и сама Гудеменко недобросовестно относилась к выполнению служебных обязанностей: выдавала постельные принадлежности и другие предметы обихода рабочим треста № 22, не записывая их в арматурные карточки, а записывала в тетрадь, либо на отдельные листы бумаги, не требуя от рабочих расписки за полученное.

Учитывая изложенное, суд правильно пришел к выводу, что Гудеменко допустила преступную халатность. Однако учитывая конкретные обстоятельства данного дела, то, что опыта хозяйственной работы Гудеменко не имела, помощи в работе ей не оказывали, а также имея в виду ее семейное положение (на

иждивении у нее находятся трое несовершеннолетних детей) и с учетом ее материального положения, Судебная коллегия считает возможным, руководствуясь ст. 83⁶ Кодекса законов о труде РСФСР, снизить сумму, присужденную ко взысканию с Гудеменко в возмещение ущерба, причиненного жилищно-коммунальному отделу треста № 22, до 4724 р. 87 к., то есть до фактически взысканной с нее.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда 4-го участка Ворошиловского района г. Сталинграда в части взыскания с Гудеменко средств в возмещение материального ущерба треста № 22 изменить, снизить подлежащую взысканию сумму до 4724 р. 87 к., то есть до фактически взысканных с Гудеменко.

II

Дело Измаилова и Арабаджиева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 24 сентября 1955 г.

Народным судом 2-го участка Гарубанского района г. Тбилиси Измаилов осужден по ст. 118, ч. 2, УК Грузинской ССР.

Суд постановил взыскать в возмещение ущерба с Измаилова солидарно с осужденным по данному делу Арабаджиевым 377 172 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор оставила в силе.

Президиум Верховного суда Грузинской ССР дело в отношении Арабаджиева прекратил и поскольку последний от материальной ответственности освобожден, возмещение ущерба возложил на одного Измаилова.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения в отношении Измаилова в части гражданского иска, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Измаилов признан виновным в том, что он, работая заведующим магазином № 44 военторга, халатно относился к служебным обязанностям и, нарушая правила пожарной охраны, разрешил работникам ночевать в магазине, готовить в служебном помещении пищу и курить. В результате этого, 9 ноября 1954 г. от папиросы, брошенной продавцом магазина Арабаджиевым, загорелись целлулоидные игрушки и ввиду то-

го, что здание магазина было деревянное, оно сгорело с находившимися в нем товаро-материальными ценностями на сумму 377 172 руб.

Приговор и определение в отношении Измаилова подлежат изменению по следующим основаниям:

Суд приговорил Измаилова к шести месяцам исправительно-трудовых работ, признавая виновным лишь в том, что он не соблюдал правила пожарной охраны. Однако в нарушение постановления № 6 Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением», суд постановил взыскать с Измаилова 377 172 руб., не входя в обсуждение его имущественного положения.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Гарубанского района г. Тбилиси и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Измаилова изменить, указанные приговор и определение в части гражданского иска отменить и дело в этой части направить на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

13. ОБВИНЕНИЕ НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ОБОСНОВАННЫМ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ НЕ УЧТЕНЫ СУЩЕСТВЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НАХОДЯЩИЕСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С ВЕРСИЕЙ ОБВИНЕНИЯ

Дело Киселева и Худякова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 ноября 1955 г.

[Извлечение]

Народный суд 3-го участка Петропавловска 11 января 1955 г. осудил Киселева по ст. 136 п. «а», УК РСФСР, а Худякова по этой же статье оправдал.

Северо-Казахстанский областной суд 1 февраля 1955 г. приговор оставил в силе, а протест прокурора на оправдательный приговор в отношении Худякова отклонил.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Киселев и Худяков были преданы суду по обвинению в убийстве Попова.

Народный суд оправдал Худякова за недоказанностью обвинения, а Киселева признал виновным в том, что он поздно вечером 22 апреля 1953 г. в Петропавловске убил Попова. Как далее указано в приговоре, Киселев после убийства, примерно, в три-четыре часа утра 23 апреля явился на квартиру к своей знакомой Дробышевой и попросил ее выстирать окровавленную рубашку. Дробышева выполнила эту просьбу, а Киселев лег спать. Проснувшись, он рассказал Дробышевой, что вместе с Худяковым совершил убийство Попова, причинив ему шилом ранение в шею.

Судебная коллегия по уголовным делам нашла, что приговор и определение в отношении Киселева и Худякова подлежат отмене, а дело возвращению на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по следующим основаниям.

Как видно из дела, в 10—11 часов вечера 22 апреля 1953 г. в Петропавловске работники милиции обнаружили труп Попова. При

осмотре места происшествия около трупа у правой голени было обнаружено шило из стальной проволоки.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Попова последовала от асфиксии, кровоизлияния в легкие вследствие повреждения сустава шеи колото-резаной раной. Рана, по заключению экспертизы, нанесена ударом ножа, имеющего одностороннее лезвие.

Органы милиции допросили свыше сорока свидетелей, но виновных в убийстве не установили и 12 июля 1953 г. дело было прекращено за необнаружением виновных.

Спустя год после убийства, в мае 1954 года, работники милиции допрашивали по другому делу Дробышеву, Марчихину, Артамонову и Дудниченко, которые дали показания, уличающие Киселева и Худякова в убийстве Попова. Это послужило основанием для возобновления дела и привлечения Киселева и Худякова к уголовной ответственности по ст. 136, п. «а», УК РСФСР.

Суд в приговоре указывает, что виновность Киселева в убийстве Попова доказана обнаружением у него разорванной рубашки и показаниями свидетелей Дробышевой, Марчихиной, Артамоновой, Ветушко и Дудниченко.

Признав виновным Киселева в умышленном убийстве Попова, органы следствия и суд не установили мотивов убийства и не проверили взаимоотношений между Киселевым, Худяковым и Поповым.

Расследование убийства Попова проведено поверхностно, без критического подхода к показаниям свидетелей, хотя показания их, положенные в основу обвинения Киселе-

на, противоречивы и достоверность их вызывает сомнения.

Как видно из показаний Дробышевой, ей об убийстве Попова Киселевым и Худяковым было известно со слов Киселева на второй день после убийства. Однако из ее показаний не видно, по каким соображениям она не сообщила об этом органам власти в течение года. Дробышева утверждает, что Киселев пришел к ней около 3—4 час. утра 23 апреля 1953 г. и попросил ее застирать окровавленную рубашку. На вопрос, где он до этого времени находился, Киселев якобы ответил, что вечером выпивал с Худяковым в столовой элеватора водку и, возвращаясь обратно, они убили Попова, а затем побежали в павильон вокзала, где также выпивали с ребятами. Дробышева, со слов Киселева, назвала лиц, с кем Киселев и Худяков выпивали в столовой и в павильоне. Органы следствия не приняли мер для установления этих лиц и не допросили их. Как показала Дробышева, Киселев ей рассказал, что после убийства Попова Киселев и Худяков обыскали карманы убитого и взяли 350 руб. Это обстоятельство проверено не было.

Дробышева утверждала, будто Киселев ей рассказал, что он нанес Попову ранение шилом. Такое заявление Дробышевой первоначально подтверждалось тем, что на месте происшествия около трупа было обнаружено шило с пятном крови. Однако свидетельница Козина утверждает, что это шило принадлежало убитому Попову. Козина при этом показала, что она опознает предъявленное ей следователем шило, как принадлежащее Попову, так как последний 21 апреля 1953 г. показывал ей это шило, заявляя, что оно сделано им для самообороны. Само шило, как вещественное доказательство, не было исследовано. Правдоподобность показаний Дробышевой по этому поводу вызывает сомнение еще и потому, что судебно-медицинской экспертизой в заключении указано, что рана Попову нанесена но-

жом, имеющим одностороннее лезвие, и длина раны 2,5 см.

Дробышева уличала в убийстве Попова не только Киселева, она утверждала, что сам Худяков ей рассказывал о причастности к убийству Попова. Однако суд в приговоре не привел достаточных обоснований, почему показания Дробышевой в отношении Киселева являются правильными, а в отношении Худякова — ложными.

Киселев, отрицая факт пребывания утром 23 апреля 1953 г. в квартире Дробышевой, заявил, что он в столовой с Худяковым не был, а вечером 22 апреля 1953 г. сидел с девушкой Ветушко около своего дома. Вечером, часов в 10, во время прогулки видел труп Попова, когда его осматривали работники милиции. Затем весь вечер находился у себя дома.

Свидетельница Ветушко подтвердила заявление Киселева и показала, что они, гуляя, примерно в 10 час. вечера, видели труп Попова, но не подтвердила его же показаний в той части, что он весь вечер 22 апреля 1953 г. провел с ней около своего дома. Однако органы следствия очной ставки между Киселевым и Ветушко не произвели, а в судебном заседании она вообще не допрашивалась.

Свидетельница Киселева — мать осужденного — показала, что ее сын 22 апреля вечером пришел домой и сказал, что на улице убит человек, но работники милиции не разрешили посмотреть его, затем он лег спать и в эту ночь никуда не ходил.

Свидетель Дудниченко утверждал, что он вечером 22 апреля видел Киселева около своего дома, игравшего на гармонии.

Органы следствия и суд не указали почему ими отвергнуты приведенные показания.

Из показаний свидетелей видно, что на месте, где обнаружен труп Попова, вечером 22 апреля 1953 г. находились пять человек. Это, в частности, подтвердила свидетельница Козина, которая 22 апреля 1953 г.

ходила с Поповым в кино на восьмичасовой сеанс.

Когда мы около 10 час. вечера вышли на улицу, показала Козина, с нами повстречались пять человек молодых людей, которые позвали к себе Попова. Последний, оставив ее, подошел к ним, сказав, что он скоро вернется. Не дождавшись Попова, она пошла домой, а на второй день услышала, что Попов убит. На судебном заседании Козина несколько изменила свои показания, данные на предварительном следствии. Она утверждала в суде, что, когда молодые люди позвали Попова к себе, то один из них подошел к ней и спросил ее, с кем она дружит и знает ли она Худякова. Она ответила, что не знает такого. Тогда неизвестный ей заявил, что он и есть Худяков. Суд не только не проверил правильности этого заявления Козиной, но и вообще оставил это обстоятельство без обсуждения, не дав надлежащей оценки, и не выяснил противоречий в показаниях Козиной, данных на предварительном и судебном следствии.

Имеются противоречия и в показаниях свидетельницы Артамоновой, проживавшей вместе в одной квартире с Дробышевой. Артамонова на предварительном следствии утверждала, что видела Киселева утром после убийства Попова на пороге ее квартиры, а в судебном заседании заявила, что Киселев приходил в 3—4 часа ночи и утром Дробышева якобы сказала ей, что Киселев дал ей окровавленную рубашку для стирки.

Органы следствия не приняли никаких мер к розыску и установлению личности этих пяти человек. Не выяснено, находились ли в числе их Киселев и Худяков.

Дробышева, Артамонова и Марчихина на предварительном и судебном следствии заявили, что на второй день после убийства Попова

Киселев прислал к Дробышевой двух молодых людей с просьбой зашить посылаемую с ними порванную рубашку. В связи с этим у Киселева органами милиции была изъята эта рубашка. Установлено, что рубашка действительно была порвана, но ни следствие, ни суд не установили, когда и при каких обстоятельствах. Допрошенный по этому поводу Киселев объяснил, что рубашку у него порвал Жульдииков уже после убийства Попова, то есть в июне 1953 года, когда находился в квартире Кадуния. Это объяснение Киселева на судебном заседании подтвердили Жульдииков и Кадуния.

Органы следствия и суд не поверили показаниям Киселева, Жульдиикова и Кадуния, однако, не обосновали, почему их показания не заслуживают доверия и чем они опровергаются. Кроме того, органы следствия и суд не допросили тех двух молодых людей, которые приносили рубашку Киселева к Дробышевой.

Органы следствия и суд в подтверждение виновности Киселева в обвинительном заключении и в приговоре указывают, что Киселев после убийства Попова скрывался и до момента задержания находился в г. Караганде. Объяснение же Киселева о том, что он 30 июля 1953 г. окончил курсы шоферов и, завербовавшись, выехал в г. Караганду и был там прописан, не проверено.

Таким образом, следует признать, что выводы органов следствия и суда о доказанности обвинения Киселева и недоказанности обвинения Худякова не обоснованы материалами дела и основаны на противоречивых показаниях свидетелей, возбуждающих сомнение в своей достоверности.

По изложенным основаниям Судебная коллегия определила:

Приговор и определение отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия через прокуратуру Казахской ССР.

14. НЕОБХОДИМО КРИТИЧЕСКИ ОТНОСИТЬСЯ К ОЦЕНКЕ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА, ТЕМ БОЛЕЕ НАХОДЯЩИХСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Дедушева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 14 декабря 1955 г.

Гурьевским областным судом Дедушев осужден по ст. 136 п. «а», УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР оставила приговор в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Дедушев признан виновным в том, что он, проживая в г. Гурьеве совместно с Сабитовой и мужем последней Ялышевым, в ночь на 17 марта 1955 г. совершил убийство Ялышева особо мучительным способом: перерезал ему финским ножом вену на правой руке и до 8 час. утра 17 марта 1955 г. не вызывал скорой помощи, боясь разоблачения его Ялышевым в случае, если бы он остался в живых.

Симулируя самоубийство Ялышева, Дедушев, как указано в приговоре суда, забрызгал кровью стены и потолок комнаты.

Сабитова по суду оправдана.

Приговор и определение в отношении Дедушева подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из дела, Дедушев и Сабитова были привлечены к уголовной ответственности и преданы суду по обвинению в том, что Дедушев из ревности к Сабитовой при ее содействии совершил убийство Ялышева. Дедушев, защищая Сабитову от оскорблявшего ее Ялышева, перерезал ему финским ножом вену на правой руке, после этого скорой помощи не вызвали, боясь, что Ялышев в случае сохранения ему жизни в лечебном учреждении разоблачит их в совершенном преступлении. Имея возможность спасти жизнь Ялышева, но не желая этого, Дедушев слабо перевязал тряпкой раненую руку Ялышеву вместо того, чтобы наложить жгут и приостановить кровотечение.

Дедушев виновным себя не признал и показал, что вечером 16 марта 1955 г. он и Ялышев вместе распивали спиртные напитки и что после выпивки Ялышев стал оскорблять Сабитову, которую он, Дедушев, стал защищать. Через некоторое время Ялышев разбил бутылку и осколком стекла стал наносить себе ранения в руку, из ран сильно шла кровь, которой Ялышев запачкал стены комнаты и одежду. Потом Ялышев лег; через несколько часов, когда он, Дедушев, уже спал, его разбудила Сабитова, и они увидели, что Ялышев скончался. Он сразу же имел намерение пойти и вызвать медицинскую помощь, однако, Сабитова, боясь одна оставаться в комнате, не пустила его, а потом они вместе сообщили о случившемся.

В процессе предварительного следствия Сабитова, подтверждая показания Дедушева, заявила, что после того, как Ялышев нанес себе осколком разбитой бутылки ранения и, почувствовав слабость, лег за печкой, она ему перевязала руку и согрела чаю, а через некоторое время Ялышев был обнаружен мертвым.

В судебном заседании Сабитова изменила свои показания и стала утверждать, что ранения в руку Ялышеву нанес Дедушев. Как указано выше, суд вынес Сабитовой оправдательный приговор.

В основу обвинения Дедушева судом положены последние показания Сабитовой и предположение о том, что Ялышев не мог покончить жизнь самоубийством.

Показания Сабитовой в судебном заседании вызывают сомнение, поскольку они могли быть даны ею с целью избежания личной ответственности. По делу не выяснены причины, побудившие Сабитову изменить свои показания, данные на предварительном следствии.

Как видно из материалов предварительного следствия, Сабитова после смерти Ялышева совместно с Дедушевым в третьем часу ночи пришли к соседям Валиеву и Вороховой и сообщили им о том, что Ялышев покончил жизнь самоубийством.

Эти обстоятельства колеблют вывод о том, что Ялышева убил Дедушев.

При осмотре трупа Ялышева у него, кроме ранений на руке, иных признаков насилия не обнаружено. Не выяснено по делу, имел ли возможность Ялышев обороняться от нападения Дедушева, если оно в действительности было. Представляется невероятным, чтобы Ялышев не оказал Дедушеву сопротивления, когда тот нанес ему ранение в руку или чтобы Ялышев не пытался спасти свою жизнь.

Органы следствия не выяснили, путем допроса соседей, звал ли Ялышев на помощь и не имелось ли следов борьбы в комнате, где находился Ялышев.

По утверждению органов следствия и суда, Дедушев нанес ранения Ялышеву финским ножом. Между тем согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, на ноже, обнаруженном в доме, следов крови не найдено; кровь, соответствующая группе крови Ялышева, обнаружена на осколке стекла, найденном в том же доме.

Органы следствия и суд исключили возможность самоубийства Ялышева путем вскрытия вены осколком разбитой стеклянной бутылки, ссылаясь на акт вскрытия трупа, согласно которому ранения Ялыше-

ву нанесены твердым режущим оружием. Однако в свете других доказательств следует проверить, не ошибся ли судебно-медицинский эксперт, производивший вскрытие трупа, в определении признаков орудия нанесения ранений Ялышеву. Это тем более необходимо, что этот же эксперт сделал ошибочный вывод о том, что Ялышев перед смертью не употреблял спиртных напитков, хотя по делу с бесспорностью установлено, что Дедушев и Ялышев незадолго до смерти последнего совместно пьянствовали.

Органам следствия необходимо назначить по делу новую, более компетентную судебно-медицинскую экспертизу и поставить перед ней вопрос, исключена ли возможность нанесения Ялышевым самому себе ранений в правую руку, имея при этом в виду, что, как видно из показаний свидетелей, у Ялышева при жизни наиболее была развита левая рука.

Органы следствия в достаточной степени не выяснили личность Ялышева и Дедушева. В частности, не установлено в связи с чем ими получена инвалидность и за какие именно преступления Дедушев был судим в прошлом.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила:

Приговор Гурьевского областного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР в отношении Дедушева отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**15. ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА СУД ДОЛЖЕН
УКАЗАТЬ, ПОЧЕМУ ИМ ОТВЕРГНУТЫ ОБЪЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО
В ЕГО ЗАЩИТУ, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ ОПРАВДЫВАЮЩИЕ ЕГО
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА**

*Дело Красавина. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 19 ноября 1955 г.*

Народным судом 1-го участка Кашинского района Калининской области Красавин осужден по ст. 2, ч. 1, указа Президиума Верховного

Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Судебная коллегия по уголовным

делам Калининского областного суда приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на приговор и определение, Судебная коллегия установила:

Красавин признан виновным в том, что он 15 сентября в 8 час. утра, встретив на дороге между деревнями Сташино и Кружково учеников Беликову Нину, Лучникову Валентину, Циколенко Валентину и Циколенко Юлию, шедших в школу в д. Константиново, ограбил Циколенко Юлию, сняв с нее демисезонное пальто и сапоги.

Суд нашел, что Красавин изобличается в преступлении показаниями Циколенко, Беликовой и Лучниковой, опознавших его и описавших приметы Красавина педагогам Кулакову и Земсковой.

Кроме того, как на доказательство виновности Красавина суд сослался на то обстоятельство, что отец обвиняемого Красавин Дмитрий и жена Хайлова просили потерпевшую Циколенко Юлию дать показания о непричастности Красавина к ее ограблению.

Красавин виновным себя не признал и утверждал, что в то время как на Циколенко было совершено нападение, он находился от места происшествия в 10—15 км, копал картофель вместе с женой — Хайловой.

Объяснение Красавина подтвердили свидетели Массарова, Клещева, Данилов, Барышева, Бородулина, Баранов, Бушин и Кобецкий.

Этим показаниям суд, вопреки

требованиям ст. 319 УПК РСФСР, не дал оценки в приговоре.

Кроме того, суд не обратил внимания на показания свидетелей Массаровой и Клещевой, которые утверждали, что Циколенко, будучи вызванной в милицию и увидев там Красавина, заявила ему, что не он ограбил ее.

В приговоре указывается, что Циколенко Юлия сразу после ограбления ее рассказала о случившемся педагогу Кулакову и описала внешность грабителя. Между тем Кулаков показал, что на его вопросы, сможет ли она опознать грабителя, Циколенко ответила отрицательно.

В деле имеются показания свидетеля Воронковой, что она 15 сентября утром видела Красавина, шедшего по дороге с узлом вещей. Эти показания суд не только не оценил, но даже не сослался на них в приговоре. Суд не дал оценки и показаниям свидетеля Богдановой, которая видела человека с узлом, шедшего по дороге, но по ее утверждению это был не Красавин.

При таких обстоятельствах в протесте правильно указано, что при новом рассмотрении дела суд должен тщательно исследовать все имеющиеся в деле материалы.

На основании изложенного, Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го участка Кашинского района и определение Калининского областного суда отменить и дело по обвинению Красавина направить на рассмотрение Калининскому областному суду по первой инстанции.

16. ПРИГОВОР НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ОБОСНОВАННЫМ, ЕСЛИ ОБВИНЕНИЕ ОСНОВАНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ, НЕ ПОДКРЕПЛЕННЫХ ОБЪЕКТИВНЫМИ ДАННЫМИ

*Дело Анарметова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 19 ноября 1955 г.*

Южно-Казахстанским областным судом Анарметов осужден по ст. 17 УК РСФСР ч. 2, и указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уго-

ловной ответственности за изнасилование».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на приговор и определение, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Анарметов признан судом виновным в том, что содействовал осужденному по этому делу заведующему складом горючего Сайрамского райпотребсоюза Ешматову в изнасиловании шестнадцатилетней Р.

Содействие Анарметова, как это указывается в приговоре, заключалось в том, что он, работая сторожем склада горючего Сайрамского райпотребсоюза и отпуская 1 февраля 1954 г. во время отсутствия заведующего складом Ешматова горючее предприятиям и гражданам, умышленно задержал пришедшую в склад за керосином Р. с 10 час. утра до 4 час. дня не продавая ей керосина, а затем обманным путем привел ее в подвальный склад к Ешматову, закрыв дверь, сам ушел и тем самым способствовал Ешматову в изнасиловании Р.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала, что приговор и определение в отношении Анарметова подлежат отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

Анарметов на судебном заседании показал, что он работал сторожем склада горючего райпотребсоюза, заведующим которого являлся Ешматов. 1 февраля 1954 г. в период временного отсутствия Ешматова он по поручению последнего отпустил шоферам бензин и был очень занят, в связи с чем он не мог сразу продать керосин пришедшей в склад Р., и она ушла. Когда Р. пришла второй раз, он повел ее в подвальный склад, где хранился керосин, к вернувшемуся из поликлиники Ешматову и ушел обратно, так как Ешматов предложил ему покупателей

керосина направлять к нему, дверь склада он не закрывал и ничего не знал о преступных намерениях Ешматова.

Потерпевшая Р. на судебном заседании объяснила, что изнасиловал ее в подвальном складе Ешматов, а Анарметов лишь привел ее к Ешматову, заявив, что керосин будет отпустить Ешматов.

Утверждение суда, что Анарметов с 10 час. утра до 4 час. дня умышленно задержал Р., не продавая ей керосина, несостоятельно. Показаниями свидетелей установлено, что он до прихода Ешматова действительно был занят отпуском бензина шоферам.

Суд также неправильно указал в приговоре, что Анарметов, оставив Р. в подвальном складе и уходя, закрыл дверь. Ни сама потерпевшая, ни свидетели не подтвердили этого факта. Более того, в деле имеется протокол осмотра места происшествия, из которого видно, что крючок от двери склада закрывался изнутри. Других доказательств, уличающих Анарметова в том, что он, имея договоренность с Ешматовым, обманным путем привел Р. к Ешматову, зная о преступных намерениях последнего, в деле нет.

Таким образом, обвинение Анарметова в содействии Ешматову в изнасиловании Р. основано исключительно на предположениях и осужден он необоснованно.

Ввиду изложенного, Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор Южно-Казахстанского областного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР отменить и дело в отношении Анарметова прекратить за недоказанностью обвинения.

17. ОДИН ЛИШЬ ФАКТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НЕДОСТАЧЕЙ, НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК БЕСПОРНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ХИЩЕНИЯ

Дело Гасымова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 16 ноября 1955 г.

Народным судом Масаллинского района Азербайджанской ССР Гасымов осужден по ст. 3 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Суд постановил взыскать с Гасымова в возмещение ущерба в пользу колхоза имени Чапаева 4430 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на приговор и определение, Коллегия установила:

Гасымов признан виновным в том, что он, являясь старшим пастухом овцеводческой фермы колхоза имени Чапаева Масаллинского района Азербайджанской ССР, присвоил 14 овец стоимостью 7000 руб. В возмещение причиненного ущерба Гасымов внес в кассу колхоза 2570 руб. Кроме того, судом признано доказанным, что в целях сокрытия присвоенного поголовья овец, Гасымов не оприходовал десять голов ягнят приплода 1954 года.

Судебная коллегия считает, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Допрошенный на предварительном следствии и на суде Гасымов, не отрицая недостачу скота и неоприходование десяти голов молодняка, объяснил, что из недостающего количества овец четыре головы взяты сыном председателя колхоза, а три головы по распоряжению председателя колхоза Ахадова отпущены через сторожа фермы Султанова на свадьбу того же сына председателя колхоза, туши прирезанных трех голов сданы заведующему складом колхоза Кафару, две головы похи-

щены, в чем он подозревает сторожа фермы Султанова, а две овцы пали от болезней.

Из показаний свидетелей Агаева, Гейдарова, Азизова видно, что при внезапной проверке фермы Гасымов объяснил им, что часть скота он отпустил во время свадьбы сына председателя колхоза, часть похищена, несколько голов взяты сыном председателя колхоза у пастуха Балакиши, мясо трех голов овец якобы сдано заведующему складом Кафару. При этом свидетель Агаев показал, что проверка работы колхоза производилась по его, Агаева, сигналам о злоупотреблениях и расхищении колхозного имущества, которые совершал председатель колхоза Ахадов.

О каких злоупотреблениях и хищениях говорил Агаев, ни органы следствия, ни суд его не спросили. Вместо объективного и всестороннего расследования преступления органы следствия ограничились допросом лиц, которые в случае подтверждения объяснений Гасымова должны нести ответственность за недостачу скота. Допрошены: председатель колхоза, по распоряжению которого Гасымов якобы отпускал овец во время свадьбы его сына, бывший сторож фермы Султанов, которого Гасымов подозревал в хищении скота, сын председателя колхоза, который, по заявлению Гасымова, взял четыре овцы у пастуха Балакиши. Других лиц, которые могли бы подтвердить объяснения Гасымова, ни органы следствия, ни суд не допросили.

Следствием не проверены показания Гасымова о сдаче мяса трех овец заведующему складом Кафару. Заведующий складом не допрошен, амбарная книга, в которой велся учет поступающего мяса, не проверена, а также не проверено, прода-

валось ли в указанное Гасымовым время мясо. Если продавалось, то откуда оно поступило.

Гасымов утверждал, что четыре овцы взяты сыном председателя колхоза Арифом у пастуха фермы Балакиши. Вместо Балакиши, однако, следователь допросил другого пастуха — Низале, который это обстоятельство не подтвердил и заявил, что Гасымов под видом отпуска скота для детского сада и трактористам похищал его. Несмотря на то, что это показание носило общий характер, свидетелей не допросили когда это было, почему об этом никому не сообщалось. Отпускался ли в действительности скот для детского сада и трактористам, оформлено ли это документами, не проверено.

Допрошенный по делу в качестве свидетеля Султанов подтвердил, что Гасымов, действительно, подозревал его в хищении двух овец. Отрицая хищение, Султанов показал, что на ферме колхоза находится много людей, а потому незаметно похитить скот невозможно.

Несмотря на наличие такого показания, работники фермы в суде не допрошены. Насколько правдоподобны показания Султанова, не проверено. Если показания Султанова правдивы, и из фермы нельзя незаметно похитить скот, то следует выяснить, как мог присвоить Гасымов четырнадцать голов овец, оставаясь незамеченным. Допрос работников фермы необходим и потому, что об отпуске овец на свадьбу, о падеже скота, о сдаче мяса заведующему складом Кафару и др. не могли не знать работники фермы, если это происходило.

Председатель колхоза Ахадов не отрицал, что на свадьбу своего сына забивал скот, но утверждал, что это был его собственный скот. Какое количество скота было забито на свадьбу и откуда он взят, также не проверено.

При допросе Гасымов сослался на свидетеля, работника совхоза Вели, который, по его словам, мог бы подтвердить, что четыре овцы из фермы

колхоза были взяты Арифом (сыном председателя колхоза).

По непонятным причинам Вели не допрошен.

Мотивируя обвинение Гасымова в хищении скота, суд в приговоре указал, что Гасымов не имел права без соответствующего документа сдавать мясо павшего скота в склад колхоза, что на павший скот он обязан был составить акт и лишь после этого закопать. Такой довод народного суда вовсе не говорит о доказанности присвоения скота Гасымовым, а может свидетельствовать лишь о его халатности или злоупотреблении служебным положением.

В подтверждение хищения недостающего поголовья скота суд сослался на то, что Гасымов в счет возмещения стоимости недостающего поголовья внес в кассу колхоза 2570 руб. Этот вывод суда является неправильным. Один факт возмещения ущерба, причиненного недостатком, сам по себе не может служить доказательством вины Гасымова в хищении, поскольку Гасымов как материально-ответственное лицо считал необходимым возместить ущерб от образовавшейся у него недостачи скота.

Судебная коллегия указала, что при дополнительном расследовании преступления следует тщательно проверить объяснения Гасымова и в случае их подтверждения надлежит, наряду с Гасымовым, в соответствии с собранными доказательствами, привлечь к ответственности и тех, кто занимался разбазариванием колхозного имущества.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Масаллинского района Азербайджанской ССР и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Гасымова отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

18. ВЫВОД О ВИНОВНОСТИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОСНОВАН НА ТЩАТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ВСЕХ ДАННЫХ, УЛИЧАЮЩИХ И ОПРАВДЫВАЮЩИХ ОБВИНЯЕМОГО, И НЕ МОЖЕТ БАЗИРОВАТЬСЯ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ МАТЕРИАЛАХ РЕВИЗИИ

Дело Тарасовской. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 ноября 1955 г.

Судебной коллегией по уголовным делам Горьковского областного суда Тарасовская осуждена по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор в отношении Тарасовской оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на приговор и определение, Судебная коллегия установила:

Тарасовская признана виновной в том, что она, работая с мая 1950 по март 1952 года заведующей автозаводским филиалом Горьковского магазина № 26 «Госметизстройторга», по договоренности с другими работниками магазина систематически занималась хищением государственных материальных ценностей.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, находит, что приговор и определение в отношении Тарасовской подлежат отмене по следующим основаниям:

Обвинение Тарасовской в том, что она 29 апреля 1951 г. подделала свой товарный отчет, указав в нем, что якобы магазином № 26 отгружено магазину № 34 в г. Шахты 8314 кг лака по цене 9 р. 50 к. и таким образом похитила 75 983 руб., основано на недостаточном исследованных материалах дела.

Из имеющихся в деле данных видно, что Жуков — бывший директор магазина № 26 — и другие работники магазина № 26, осужденные по настоящему делу, на протяжении длительного времени получали от разных поставщиков лак по 2 р. 50 к. за килограмм, а отпускали его потребителям как олифу по 9 р. 50 к.

за килограмм и излишне полученные деньги присваивали. В приговоре указано, что для сокрытия хищения денег указанным путем Тарасовская, Жуков и др. составляли фиктивные документы (накладные, ведомости и др.).

Во время ревизии хозяйственной деятельности магазина № 26 были обнаружены два счета за № 4 от 30 апреля 1951 г., выписанных бухгалтерией этого магазина на отпуск товара магазину № 34 в г. Шахты. Оба счета выписаны на одну и ту же сумму — 75 983 руб., но в одном экземпляре счета значилось, что на эту сумму магазину № 34 были отправлены 8314 кг олифы по 2 р. 50 к. за килограмм и большое количество красок разных сортов, в другом же экземпляре счета указывалось, что магазину № 34 на эту сумму отправлена только одна олифа в количестве 8314 кг по цене 9 р. 50 к. за килограмм. Обнаружение расхождений в счетах дало повод органам предварительного следствия сделать вывод, что в результате образовавшейся разницы в стоимости 8314 кг лака и олифы совершено хищение денег. Обвинение Тарасовской в хищении разницы в стоимости 8314 кг лака и олифы, выразившейся в сумме 75 983 руб., предъявлено на том основании, что стоимость отпущенного магазину № 34 товара на эту сумму была списана с товарного отчета автозаводского филиала магазина № 26.

Тарасовская, отрицая обвинение, показала, что она по распоряжению Гусева, в то время директора магазина № 26, отпустила представителю магазина № 34 разных красок на 78 983 руб., никакой олифы она не отпускала, так как ее в филиале магазина не имелось. Далее Тарасовская утверждала, что все до-

кументы по отпуску красок на 78 983 руб. она отправила в бухгалтерию магазина № 26 и почему там вместо этих документов оказались два упомянутых выше счета, она не знает. Объяснения Тарасовской не лишены оснований.

Из имеющихся в деле данных видно, что подобным способом, то есть путем выписки двойных счетов было совершено хищение излишне полученных денег при отправке 4530 кг лака под видом олифы в магазин № 24 в г. Орел. Хотя и в данном случае преступниками был использован товарный отчет Тарасовской, однако органы следствия на основании заключения судебно-бухгалтерской экспертизы пришли к выводу о непрямотности Тарасовской к этой сделке.

В пользу объяснений Тарасовской говорит и тот факт, что лак под видом олифы был отправлен в г. Шахты непосредственно магазином № 26, а не его автозаводским филиалом. Характерно, что оба счета за № 4 выписаны бухгалтерией магазина № 26, а не его филиалом.

Таким образом, следствие и суд не исследовали один из основных вопросов: какое отношение к выписке счетов могла иметь Тарасовская и каким путем она могла обратиться в свою пользу деньги, поступившие на текущий счет магазина, а не филиала магазина, которым она заведовала.

Кроме того, к делу приобщены не оригиналы счетов магазину № 34, а их копии. Поэтому нельзя установить, кем учинены подписи на фиктивном счете. На обороте одного из счетов за № 4 имеется надпись бухгалтера магазина № 26 Потаповой о переписке счета. Судя по дате, эта надпись сделана уже во время предварительного следствия. Однако Потапова по этому поводу не допрошена.

Остался без исследования и такой факт: на обороте товарного отчета № 58 имеется неизвестно кем сделанная надпись о списании с Тарасовской 78 983 руб. Между тем этот

факт заслуживал особого внимания, так как бухгалтерия магазина № 26 принимала торговые отчеты только с приложением оправдательных документов. Оправдательные же документы к товарному отчету № 58 оказались кем-то изъятыми. Несмотря на столь важное обстоятельство, следственные органы не выяснили, в чьих интересах могли быть изъяты эти оправдательные документы.

Наконец, следственные органы не исследовали, почему 78 983 руб. за отпущенную олифу списаны с товарного отчета автозаводского филиала, хотя деньги поступили на счет магазина и никакой недостачи за Тарасовской не числилось.

Нельзя признать обоснованным обвинение Тарасовской и в хищении товаров путем выписки бестоварных накладных. Обвинение Тарасовской в этой части основано на том, что на выписанных ею накладных на имя Котельникова, Нагорнова и Чадаева расписались не указанные в этих накладных получатели, а другие лица, Котельников же, Нагорнов и Чадаев заявили, что по этим накладным они товары не получали.

Показания Котельникова, Нагорнова и Чадаева не могут служить доказательствами того, что перечисленные в приговоре накладные являются бестоварными. Сомнительно, чтобы свидетели через два-три года помнили, по каким накладным, выписанным Тарасовской, они получали товары, а по каким — не получали. Они правильность записи на них не оспаривали вплоть до допроса их по этому поводу, как не отрицали и того, что бывали случаи, когда на накладных в получении товаров расписывались не они, а, например, шоферы, доставлявшие товары.

На основании изложенного, Судебная коллегия, руководствуясь ст. 414 УПК РСФСР, определила:

Приговор Горьковского областного суда и определение Верховного суда РСФСР отменить, дело по обвинению Тарасовской направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

19 ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОВЕРЕНЫ ВСЕ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПО ДЕЛУ ВЕРСИИ С ТЕМ, ЧТОБЫ ПРИГОВОР НЕ ВЫЗЫВАЛ СОМНЕНИЙ В СВОЕЙ ОБОСНОВАННОСТИ

Дело Бабинова и Муртазалиева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 октября 1955 г.

[Извлечение]

Краснодарский краевой суд осудил Бабинова и Муртазалиева по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

В возмещение ущерба, причиненного преступлением, суд постановил взыскать в пользу дорожного ресторана ст. Краснодар с Бабинова — 105 149 руб. и с Муртазалиева — 16 292 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и определения Верховного суда РСФСР о направлении дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам нашла, что протест подлежит удовлетворению.

Бабинов и Муртазалиев признаны виновными в том, что первый, являясь заведующим тарным складом дорожного ресторана ст. Краснодар, а второй — экспедитором этого ресторана, расхищали стеклянную тару, продавали ее на сторону, а вырученные от продажи деньги присваивали. Для сокрытия преступления Бабинов и Муртазалиев составляли фиктивные документы, которыми отчитывались перед бухгалтерией.

Как указано в приговоре, Бабиновым было таким образом составлено девятнадцать фиктивных актов на сумму 98 383 руб., а Муртазалиевым двадцать один фиктивный акт на 11 978 руб.

Как видно из собранных материалов, дело по обвинению Бабинова и Муртазалиева в хищении государственных средств и составлении фиктивных документов полностью не расследовано.

Дорожный ресторан, где работали Бабинов и Муртазалиев, являлся клиентом пивного завода г. Краснодара. При взаимной сверке расчетов между рестораном и заводом было выявлено наличие большого количества приемных актов в ресторане, но в документах пивного завода соответствующих экземпляров этих актов не оказалось. В связи с этим был сделан вывод о том, что указанные акты являются фиктивными и что по ним ресторан получил от завода значительные суммы за посуду, которая фактически заводу не сдавалась. Вывод этот был подкреплён тем, что приемщики государственного пивного завода Хатков, Лаврушин и Комарова своих подписей на актах не признали.

Органы предварительного следствия изъяли из бухгалтерских документов ресторана и пивного завода 43 акта как вещественное доказательство, а в обвинительном заключении указали, что Бабинов и Муртазалиев похитили на заводе фирменные бланки актов и, таким образом, скрыли факт хищения стеклянной посуды. Между тем в судебном заседании было установлено, что никакого сговора в отношении операций с посудой между Бабиновым и Муртазалиевым не было.

Принятая органами следствия версия о том, что Бабинов и Муртазалиев состояли в преступном сговоре, так же как и версия о том, что они совершили преступление каждый са-

мостоятельно, исходит из того предположения, что работники пивного завода к этим операциям не причастны. Между тем при существовавшем порядке расчетов дорожного ресторана с пивным заводом Бабинов и Муртазалиев как каждый в отдельности, так и по взаимному сговору не могли учинить таких операций с приемными актами и реализовать столь большое количество стеклянной посуды без помощи других лиц. Однако это обстоятельство органами следствия не проверялось.

Из дела далее видно, что дорожный ресторан, в числе клиентов получал пиво в посуде пивного завода и обязан был возвращать на пивной завод тару — бутылки в размере 75 процентов. На принятую тару приемщиками завода выдавались приемные акты в трех экземплярах, причем первый и третий экземпляры направлялись поставщику, а второй оставался в делах завода.

Ресторан, сдав посуду и получив приемные акты, составлял счет на сданную посуду и с приложением первого экземпляра акта направлял счет заводу, который должен был проверить правильность счета и факт приемки посуды. В течение трех суток завод обязан был либо акцептовать счет, либо возразить против него. После акцепта счет представлялся на инкассо в банк, а затем производились соответствующие перечисления со счета завода на счет ресторана.

Так как банк принимал к оплате лишь акцептованные счета, а акцепту предшествовала проверка, то для проведения этих операций требовалось, чтобы работники завода либо действовали заодно с расхитителями, либо проявили такую преступную халатность, при которой акцепт систематически производился без всякой проверки, а фирменные бланки хранились безучетно и бесконтрольно.

Указанные обстоятельства как органами следствия, так и судом не проверены. Между тем тщательная

проверка взаиморасчетов между рестораном и пивным заводом помогла бы установить круг лиц, участвовавших в хищении стеклянной тары, и роль каждого из привлеченных к ответственности.

Органы следствия и суд не проверили и других версий по делу.

Обвинение Бабинова и Муртазалиева по существу основано на показаниях приемщиков завода Хаткова, Лаврушина и Комаровой, допрошенных в качестве свидетелей. Эти лица заявили, что подписи на актах, именуемых фиктивными, им не принадлежат.

Из дела видно, что эти акты подвергались трехкратной экспертизе, причем согласно заключению экспертов научно-технического отдела управления милиции Краснодарского края и Ростовской научно-исследовательской криминалистической лаборатории указанные акты подписаны приемщиками Хатковым, Лаврушиным и Комаровой. Однако органы следствия, отвергнув заключения названных экспертиз, передали затем эти акты для исследования в Центральную научно-исследовательскую лабораторию Всесоюзного института юридических наук, которая пришла к выводу, что эти акты приемщиками завода Хатковым, Лаврушиным и Комаровой подписаны не были.

Краевой суд сослался в приговоре как на бесспорное доказательство вины Бабинова и Муртазалиева на названный выше акт Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории, тогда как этот акт не во всем является убедительным.

В названном акте лаборатории не содержится опровержения тех оснований, по которым две предыдущие экспертизы приходили к противоположным выводам, достаточно полно ими аргументированным. Если в отношении приемщиков завода заключение последней экспертизы содержит категорическое утверждение, что подписи выполнены не ими, то

в отношении обвиняемых указано лишь, что исследуемый материал не дает возможности ответить утвердительно или отрицательно на этот вопрос.

При таком положении вопрос о фиктивности актов и о лицах, их подделавших, если сам факт подделки будет установлен, должен быть подвергнут новому исследованию и заключения экспертизы, которая должна будет устранить указанные противоречия и придти к обоснованному выводу.

Одним из доказательств вины Бабинова и Муртазалиева послужило то, что следствием по делу не было обнаружено путевых листов с датами, соответствующими времени приема и сдачи стеклянной тары.

Однако и это обстоятельство также не может служить убедительным доказательством, так как перевозка гужевым транспортом, как это усматривается из дела, производилась без путевых листов. Кроме того, как показал заместитель директора ресторана Морозов, даже автотранспортные перевозки не полностью отражались в путевых листах, по-

скольку часто пользовались попутными машинами.

Эпизоды обвинения осужденных изложены в приговоре без какой-либо связи между собой, а приведенные в приговоре суммы не соответствуют суммам, которые значатся в обвинительном заключении. В приговоре указано, что Бабинов составил 19 фиктивных актов и присвоил по ним 98 333 руб., взыскивается же с него по приговору 105 149 руб. Муртазалиеву вменено составление 21 фиктивного акта на сумму 11 978 руб., а взыскивается с него по приговору — 16 292 руб. Таким образом, и в этой части дело нуждается в дополнительной проверке.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Краснодарского краевого суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Бабинова и Муртазалиева отменить, а дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

20. ЧЛЕН СУДА, ПРИНИМАВШИЙ УЧАСТИЕ В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИЛИ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ ЛИБО В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА, НЕ МОЖЕТ ЗАТЕМ УЧАСТВОВАТЬ В РАССМОТРЕНИИ ТОГО ЖЕ ДЕЛА В СОСТАВЕ ПРЕЗИДИУМА СУДА

Дело Мельникова и Петовраджи. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 ноября 1955 г.

Народным судом 2-го участка г. Ишимбай Башкирской АССР осуждены Мельников и Петовраджи по ч. 2 ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и по ст. 95 ч. 2, УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Башкирской АССР приговор в части осуждения Мельникова и Петовраджи по ст. 95 ч. 2, УК РСФСР отменила и дело

прекратила, а в остальной части оставила в силе без изменений.

Президиум Верховного суда Башкирской АССР отклонил протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и определения.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР на приговор народного суда, определение судебной коллегии по уголовным делам и постановление президиума Верховного суда Башкирской АССР, Судебная

коллегия по уголовным делам установила:

Мельников и Петовраджи признаны виновными в том, что они по предварительной договоренности между собой в ночь на 2 мая 1953 г. из седей квартиры Зайтуллиной похитили велосипед, после чего передали его Лопухову, у которого он находился до 4 мая 1953 г., а затем Петовраджи взял велосипед у Лопухова и подбросил к помещению сплавной конторы.

Как указано в приговоре, Мельников и Петовраджи с целью избежать ответственности за совершенное преступление на предварительном следствии дали ложные показания, что велосипед, принадлежащий Зайтуллиной, похищен Лопуховым. Они же, угрожая свидетелю Баранову, принудили его дать ложные показания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит, что приговор, определение и постановление по делу Мельникова и Петовраджи подлежат отмене по следующим основаниям:

Из дела усматривается, что за хищение велосипеда у Зайтуллиной сначала был осужден Лопухов, причем в качестве свидетелей, избивавших его в хищении велосипеда, были Мельников и Петовраджи.

Лопухов вину в хищении велосипеда отрицал и утверждал, что велосипед был похищен Мельниковым и Петовраджи, которые после хищения в ту же ночь передали велосипед ему, Лопухову. В подтверждение этого обстоятельства Лопухов в кассационной жалобе сослался на новых свидетелей, о которых он на предварительном следствии и при первом рассмотрении дела в суде не упоминал.

По кассационной жалобе Лопухова приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Указанные Лопуховым свидетели — несовершеннолетние Сувернев, Тугаев и Моисеев оказались его знакомыми. На допросе в качестве

свидетелей Сувернев, Тугаев и Моисеев показали, что они видели, как ночью 2 мая 1953 г. двое молодых людей вели по дороге велосипед, а потом подозвали к себе Лопухова, передали ему велосипед, а сами ушли. Лопухов, по утверждению этих свидетелей, велосипед поставил к себе в сарай.

На основании показаний Лопухова и свидетелей, указанных им, суд признал Мельникова и Петовраджи виновными в хищении велосипеда, хотя для такого обвинения и осуждения их не было собрано достаточных оснований.

Показания Лопухова не могут быть признаны объективными, поскольку он стал обвинять Мельникова и Петовраджи в хищении велосипеда после того, когда они изобличили Лопухова в совершении того же преступления. Показания Лопухова к тому же противоречивые. На предварительном следствии Лопухов вначале показал, что он видел, как Мельников вывел из дома Зайтуллиных велосипед и просил его, Лопухова, не сообщать об этом в милицию, так как он возвратит велосипед владельцу. На допросе позднее Лопухов заявил, что ранее данные им показания неправильны, что в действительности велосипед вывел Мельников и передал его Петовраджи, а последний отдал велосипед ему, Лопухову, с тем, чтобы он поставил его к себе в сарай. При первом же рассмотрении дела в суде Лопухов отказался вовсе давать показания.

В приговоре указано, что Мельников и Петовраджи оставили велосипед у Лопухова, где он находился до 4 мая 1953 г., а затем Петовраджи взял у Лопухова велосипед и подбросил его к помещению сплавной конторы. Между тем Лопухов утверждает, что отвез и подбросил велосипед к помещению сплавной конторы он совместно со своим братом и Барановым.

Ссылку в приговоре на то, что Мельников и Петовраджи заставили свидетеля Баранова дать ложные

показания на Лопухова под угрозой, следует признать необоснованной, поскольку первоначальные показания Баранова полностью совпали с показаниями Лопухова, что велосипед они, Лопухов с братом и Баранов, подбросили к помещению сплавной конторы. При этих условиях не было достаточных оснований считать показания Баранова и Лопухова ложными.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит, что постановление президиума Верховного суда Башкирской АССР подлежит отмене и потому, что президиум рассмотрел протест по делу Мельникова и Петовраджи под

председательством Ведрова, председательствовавшего также при рассмотрении дела по кассационной жалобе Лопухова, а затем при рассмотрении кассационных жалоб Мельникова и Петовраджи.

Соглашаясь с протестом, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка г. Ишимбая Башкирской АССР, определение судебной коллегии по уголовным делам и постановление президиума Верховного суда Башкирской АССР в отношении Мельникова и Петовраджи отменить и дело прекратить за недоказанностью обвинения.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ПРИ СОКРАЩЕНИИ ШТАТА АДМИНИСТРАЦИЯ ИМЕЕТ ПРАВО ОПРЕДЕЛИТЬ ПОДЛЕЖАЩИХ УВОЛЬНЕНИЮ РАБОТНИКОВ С ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ОСТАВШЕГОСЯ СОСТАВА РАБОТНИКОВ НА ИМЕЮЩИХСЯ ДОЛЖНОСТЯХ

*Определение по делу № 03/503—55. Иск Коваленко к Первой
Олонештской МТС о восстановлении на работе и взыскании
заработной платы за вынужденный прогул*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела 12 ноября 1955 г. протест Генерального прокурора СССР на определение Верховного суда Молдавской ССР от 6 мая 1955 г. по иску Коваленко к Первой Олонештской МТС о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за вынужденный прогул.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

Коваленко работал у ответчика в качестве агролесомелиоратора и, согласно приказу по МТС от 12 февраля 1955 г., был уволен с этой должности по сокращению штата.

Считая увольнение неправильным, так как должность агролесомелиоратора сокращению не подлежала, Коваленко предъявил в суде иск о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за вынужденный прогул.

Народный суд Олонештского района 14 апреля 1955 г. иск Коваленко удовлетворил, постановив восстановить его на работе и взыскать заработную плату за 20 дней вынужденного прогула и квартирные в сумме 30 руб.

Верховный суд Молдавской ССР 6 мая 1955 г. решение народного суда отменил и в иске Коваленко отказал.

В протесте Генерального прокурора СССР ставится вопрос об отмене определения Верховного суда Молдавской ССР и об оставлении в силе решения народного суда. В качестве оснований для этого в протесте указано, что должность агролесомелиоратора сокращению не подлежала и ссылка на определение на имевшее место нарушение Коваленко трудовой дисциплины не могла служить основанием для его увольнения по сокращению штата.

Протест удовлетворению не подлежит ввиду следующего:

Материалами дела подтверждено, что в МТС в феврале 1955 года было произведено сокращение штата. То обстоятельство, что должность, которую замещал Коваленко, не была сокращена, не имеет значения для правильного разрешения данного спора. При сокращении штата администрация имеет право определить подлежащих увольнению работников с перераспределением остающегося состава работников на имею-

щихся должностях, поэтому перевод на должность агролесомелиоратора другого работника из аппарата МТС не является нарушением п. «а» ст. 47 Кодекса законов о труде Украинской ССР.

К тому же из дела видно, что приказом директора МТС от 10 ноября 1954 г. за систематическую пьянку во время пребывания в колхозах и неявку на дежурство 7 ноября 1954 г. Коваленко был объяв-

лен строгий выговор с предупреждением.

Отношение работника к служебным обязанностям также может учитываться при сокращении штата, что и было учтено администрацией МТС при увольнении Коваленко.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Протест Генерального прокурора СССР о пересмотре дела отклонить.

2. ПРАВО РАБОТНИКА ТРЕБОВАТЬ С ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА, ХОТЯ БЫ И ВИНОВНОГО В НЕПРАВИЛЬНОМ УВОЛЬНЕНИИ, ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЗА ВРЕМЯ ВЫНУЖДЕННОГО ПРОГУЛА ЗАКОНОМ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Определение по делу № 03/417—55. Иск Власова к Ашурову о взыскании 1759 р. 60 к.

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела 8 октября 1953 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка г. Дербента от 16 марта 1955 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Дагестанской АССР от 20 апреля 1955 г. по иску Власова к Ашурову о взыскании 1759 р. 60 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

Власов обратился в суд с иском к Ашурову о взыскании заработной платы за вынужденный прогул в сумме 1759 р. 60 к.

Свои исковые требования Власов обосновывал тем, что он работал в железнодорожном училище № 1 г. Дербента в должности мастера производственного обучения и 19 августа 1954 г. был незаконно уволен с работы директором училища Ашуровым. Народным судом 1-го участка г. Дербента 23 октября 1954 г. он, Власов, был восстановлен в прежней должности и в его пользу с училища взыскана заработная плата за двадцать дней вынужденного прогула.

Фактически же вынужденный прогул длился в течение шестидесяти рабочих дней, поэтому Власов просил суд взыскать с директора училища Ашурова заработную плату за сорок дней вынужденного прогула, считая, что Ашуров, издавший незаконный приказ о его увольнении с работы, обязан из своих средств оплатить ему заработную плату за все время вынужденного прогула.

Народный суд 1-го участка г. Дербента 16 марта 1955 г. иск Власова к Ашурову удовлетворил частично в сумме 130 руб., мотивируя это тем, что Ашуров, являясь директором училища, обязан был восстановить Власова на работе со дня вынесения решения суда, а фактически приказ о восстановлении Власова на работе был издан лишь спустя пять дней. Отказ в остальной части иска был мотивирован тем, что Власов умышленно затягивал разрешение вопроса о восстановлении на работе и по существу сам виновен в совершении столь длительного прогула.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Дагестанской АССР 20 апреля 1955 г. решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР внесен на решение народного суда 1-го участка г. Дербента от 16 марта 1955 г. и все последующие судебные определения по иску Власова к Ашурову о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула. Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ст. 4 постановления СНК, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г., в случае увольнения рабочего или служащего без достаточного основания, оплата за вынужденный прогул производится в размере средней заработной платы, но не более чем за двадцать дней.

В силу же п. 21 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам», при рассмотрении дел о восстановлении в должности или на работе неправильно уволенных работников суд может по собственной инициативе привлечь к делу в качестве третьего лица на сторону ответчика того должностного лица, по распоряжению которого было произведено увольнение и при установлении, что увольнение было произведено с явным нарушением закона, — возложить на виновное должностное лицо обязанность возместить учреждению или предприятию убытки, причиненные выплатой уволенному вознаграждения за прогул.

Народный суд правильно отказал в иске Власову к Ашурову о взыскании 1759 р. 60 к. за сорок дней вынужденного прогула, однако мотивы, положенные судом в обоснование решения об отказе в этой части иска, являются неправильными, так как суду следовало отказать Власову в иске не потому, что он искусственно затягивал рассмотрение дела и по существу сам виновен в совершении столь длительного прогула, а потому, что действующим законодательством о труде в случае восстановления в должности неправильно уволенного работника, зара-

ботная плата за период вынужденного прогула не может быть взыскана более чем за двадцать рабочих дней, а право работника требовать с должностного лица, хотя бы и виновного в неправильном увольнении, заработной платы за все время прогула законом вообще не предусмотрено.

Суммы заработной платы, выплаченные учреждением и предприятием работнику за время прогула, вызванного неисполнением решения о восстановлении на работе, могут быть взысканы в порядке регрессного иска учреждения или предприятия или по иску прокурора с должностного лица, виновного в неисполнении решения.

Таким образом, если в данном случае было неисполнение решения суда о восстановлении Власова на работе, то вопрос о взыскании заработной платы за прогул должен был разрешаться в порядке, указанном в п. 22 постановления Пленума Верховного суда СССР, при этом надлежащим ответчиком могло быть только железнодорожное училище, а не директор этого училища Ашуров, материальная ответственность которого могла бы наступить лишь после предъявления к нему и удовлетворения судом регрессного иска.

Следовательно, иск в этой части был предъявлен к ненадлежащему ответчику и поэтому не подлежал удовлетворению.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 1-го участка г. Дербента от 16 марта 1955 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Дагестанской АССР от 20 апреля 1955 г. в части взыскания с Ашурова в пользу Власова 220 руб. и в иске Власову в этой части отказать. В остальной части решение народного суда, определение народного суда и определение Верховного суда Дагестанской АССР оставить в силе.

3. ПРАВО ТРЕБОВАНИЯ РАЗДЕЛА ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ИМЕЮТ ЛИШЬ ЛИЦА, ПРОЖИВАЮЩИЕ НА УКАЗАННОЙ ПЛОЩАДИ В КАЧЕСТВЕ ЕЕ ПОСТОЯННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

I

Определение по делу № 03/454—55. Иск Колгушевой к Егорову о разделе жилой площади

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 15 октября 1955 г. протест Генерального Прокурора Союза ССР на решение народного суда 3-го участка Кировского района г. Риги от 22 апреля 1954 г., определение Верховного суда Латвийской ССР от 22 мая 1954 г. и постановление президиума Верховного суда Латвийской ССР от 10 марта 1955 г. по иску Колгушевой к Егорову о разделе жилой площади.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

В октябре 1953 года Колгушева предъявила в суде иск к Егорову о разделе жилой площади.

Свой исковые требования истица обосновывала тем, что ответчик занимает квартиру из двух комнат размером 22,19 кв. м и 15,27 кв. м и в декабре 1949 года она вселилась на указанную площадь как жена ответчика, прожив с ним совместно до января 1953 года.

После приезда к Егорову его жены с тремя детьми отношение Егорова к Колгушевой резко изменилось и он начал требовать, чтобы истица освободила квартиру, поэтому Колгушева просила суд произвести раздел жилой площади, признать за ней право на комнату размером 15,27 кв. м и обязать ответчика Егорова не препятствовать ей произвести изоляцию комнаты путем устройства перегородки.

Народный суд 3-го участка Кировского района г. Риги решением от 22 апреля 1954 г. постановил: признать самостоятельное право пользования жилой площадью, состоящей из одной комнаты размером 15,27 кв. м, за истицей Колгушевой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Латвийской ССР определением от 22 мая 1954 г. отменила решение народного суда в части закрепления за истицей одной комнаты размером 15,27 кв. м и признала за Колгушевой право на жилую площадь в квартире, состоящей из двух смежных комнат 22,19 кв. м и 15,27 кв. м, обязав стороны произвести обмен квартиры на две комнаты в разных местах.

Протест Прокурора Латвийской ССР президиум Верховного суда Латвийской ССР постановлением от 10 марта 1955 г. отклонил.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене всех состоявшихся по настоящему делу судебных решений и определений, а также постановления президиума Верховного суда Латвийской ССР и об отказе в иске Колгушевой о разделе жилой площади подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Признавая за истицей самостоятельное право на жилую площадь в квартире Егорова, суд мотивировал свое решение тем, что Колгушева и Егоров сожительствовали более трех лет и это обстоятельство якобы порождает для Колгушевой право на жилую площадь ответчика.

Этот вывод суда не основан на законе и не находит своего подтверждения в представленных суду доказательствах.

Из материалов дела видно, что Колгушева в квартире Егорова была прописана как временный жилец, без права на жилую площадь.

В судебном заседании Колгушева не отрицала того, что она вселилась в квартиру Егорова с условием ве-

сти домашнее хозяйство и без намерения выйти за него замуж, так как знала, что Егоров состоит в зарегистрированном браке с другой женщиной.

Утверждение истицы о вступлении в фактический брак с Егоровым является несостоятельным, так как версию об этом она стала выдвигать лишь после приезда жены Егорова с детьми и, кроме того, если бы и в действительности истица сожительствовала с ответчиком, то это не создавало для нее права на жилую площадь, находящуюся в пользовании Егорова.

Решение суда о присуждении одной комнаты в пользование Кол-

гушевой нарушает жилищные интересы семьи Егорова.

При этих обстоятельствах у суда не было никаких оснований для удовлетворения иска Колгушевой о признании за ней права постоянного пользования жилой площадью Егорова.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения, определения и постановление президиума Верховного суда Латвийской ССР и в иске Колгушевой к Егорову о разделе жилой площади отказать.

II

Определение по делу № 03/455—55. Иск Тугаровой к Рубаненко о признании права постоянного пользования жилой площадью и о разделе жилой площади

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 октября 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение судебной коллегии по гражданским делам Киевского областного суда от 28 июня 1954 г. по иску Тугаровой к Рубаненко о признании права постоянного пользования жилой площадью.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

В мае 1954 года Тугарова предъявила в суде иск к Рубаненко о признании за ней права на жилую площадь.

Свои исковые требования Тугарова обосновывала тем, что она в течение 16 лет постоянно проживала совместно с ответчиком в качестве члена его семьи, однако возникший в 1954 году конфликт повлек за собой последствия, в результате которых ей было запрещено проживание на указанной жилой площади.

В своих возражениях против иска ответчик Рубаненко ссылаясь на то, что Тугарова никогда членом его

семьи не являлась и, являясь домашней работницей, права на жилую площадь не имеет и подлежит выселению по его требованию.

Народный суд 2-го участка Ленинского района г. Киева решением от 10 июня 1954 г. постановил: признать за Тугаровой самостоятельное право на пользование жилой площадью.

Судебная коллегия по гражданским делам Киевского областного суда 28 июня 1954 г. отменила решение народного суда и в иске Тугаровой отказала.

Протест Председателя Верховного суда СССР на определение судебной коллегии по гражданским делам Киевского областного суда от 28 июня 1954 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

При разрешении настоящего дела по существу народным судом установлено, что истица по делу Тугаровой, оставшись сиротой, еще в 1938 году была принята в семью Рубаненко и с тех пор на протяжении более 16 лет проживала вместе с семьей Рубаненко на правах ее члена.

Указанное обстоятельство подтверждается не только тем, что Тугарова вместе с Рубаненко меняла местожительство, но и тем, что она всегда значилась как родственница истца, во всех случаях прописывалась на жилую площадь как племянница, а при получении в г. Киеве квартиры, состоящей из трех комнат общей площадью 45 кв. м, была вписана в ордер как член семьи Рубаненко.

Включение Тугаровой как племянницы в ордер, наряду с другими членами семьи Рубаненко, является фактором, определяющим правовое положение Тугаровой в отношении жилой площади, поэтому народный суд, удовлетворяя предъявленный иск Тугаровой, совершенно правильно подошел к оценке доказательств, собранных по делу.

Нельзя согласиться с выводами судебной коллегии по гражданским делам Киевского областного суда, признавшей Тугарову домашней работницей и отказавшей по этим основаниям в удовлетворении предъявленного иска, так как эти выводы не основаны на материалах дела.

Рубаненко никогда и никакого до-

говора с Тугаровой не заключал, что подтвердил в суде сам Рубаненко.

Рубаненко признал также, что он никогда не платил Тугаровой заработной платы, а, наоборот, Тугарова, работая в государственных и кооперативных организациях, получаемую заработную плату вносила в общие доходы семьи.

Допрошенные в судебном заседании свидетели подтвердили тот факт, что Тугарова являлась членом семьи Рубаненко, но не домашней работницей.

С учетом изложенного и принимая во внимание, что обстоятельства дела и взаимоотношения сторон выяснены с достаточной полнотой и по делу не требуется дополнительной проверки доказательств, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение судебной коллегии по гражданским делам Киевского областного суда от 28 июня 1954 г. и оставить в силе решение народного суда 2-го участка Ленинского района г. Киева от 10 июня 1954 г., которым иск Тугаровой удовлетворен.

4. ПО ОКОНЧАНИИ СРОКА ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИИ, ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ВЫСЕЛЕНИЕ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В АРЕНДОВАННОМ ПОМЕЩЕНИИ, МОЖЕТ БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕНО В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ТОЛЬКО НА ОСНОВАНИИ СТ. 32 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 Г., ТО ЕСТЬ ПРИ УСЛОВИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ВЫСЕЛЯЕМЫМ ДРУГОГО ГОДНОГО ДЛЯ ЖИЛЬЯ ПОМЕЩЕНИЯ ОРГАНАМИ, ПРОИЗВОДЯЩИМИ ВЫСЕЛЕНИЕ

Определение по делу № 03/461. Иск жилищно-коммунального отдела Горьковского речного порта к Горьковской конторе «Главвтормет» об освобождении дома, находившегося в арендном пользовании ответчика, и о выселении из этого дома жильцов в количестве 34 семей

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 октября 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Канавинского района г. Горького от 21 ноября 1953 г. и на определение судебной коллегии по гражданским делам

Верховного суда РСФСР от 19 августа 1955 г. по иску жилищно-коммунального отдела Горьковского речного порта к Горьковской конторе «Главвтормет» об освобождении дома, находившегося в арендном пользовании ответчика, и о выселении из этого дома жильцов в количестве 34 семей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

По договору от 15 октября 1948 г. контора «Главвормет» арендовала в принадлежащем Горьковскому речному порту доме жилое помещение, которое и было заселено работниками конторы.

Решением Госарбитража при Исполкоме Горьковского областного Совета депутатов трудящихся от 25 июня 1953 г. указанный договор аренды дома до истечения срока расторгнут, в связи с чем Горьковская контора «Главвормет» была обязана к 1 сентября 1953 г. освободить помещение в доме, принадлежащем Горьковскому речному порту.

Не добившись исполнения решения Госарбитража в части освобождения арендованного помещения, жилищно-коммунальный отдел Горьковского речного порта по этому вопросу предъявил иск в судебном порядке, с привлечением на ответную сторону жильцов, проживающих в доме истца, в количестве 34 человек.

Народный судья отказал Горьковскому речному порту в принятии к судебному производству указанного искового заявления по тем мотивам, что выселение лиц, проживающих в спорном помещении, возможно лишь в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., то есть при условии предоставления выселяемым другой годной для жилья площади.

По частной жалобе истца судебная коллегия по гражданским делам Горьковского областного суда 23 октября 1953 г. постановление народного судьи отменила и дело передала в тот же суд для рассмотрения по существу в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

Рассмотрев данное дело, народный суд 2-го участка Канавинского района г. Горького решением от 21 ноября 1953 г. иск жилищно-коммунальной конторы Горьковского речного порта удовлетворил и обязал Горьковское управление «Главвормет»

освободить арендовавшееся помещение в доме, принадлежащем Горьковскому речному порту, с предоставлением проживающим в этом доме лицам другой годной для жилья площади.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 19 августа 1955 г. решение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение, указав на допущенные народным судом процессуальные нарушения, выразившиеся, по мнению коллегии, в неправильном объединении в одном производстве иска о выселении 34 человек и в рассмотрении дела в отсутствие ответчиков.

Кроме того, коллегия Верховного суда РСФСР указала на то, что настоящее дело подлежит разрешению применительно к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 4 марта 1929 г. «Об изъятии земель для государственных и общественных надобностей», поскольку дом, в котором проживают работники ответчика, в связи с реконструкцией порта подлежит сносу.

Протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда и определения судебных коллегий по гражданским делам Горьковского областного суда и Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Народный судья по существу правильно отказал истцу в принятии искового заявления о выселении лиц, проживающих в доме Горьковского речного порта, так как требования о их выселении могли быть предъявлены лишь в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., то есть при условии предоставления выселяемым со стороны органа, производящего выселение (в данном случае Горьковского речного порта), другого годного для жилья помещения.

Между тем требования истца сводились по существу к принудительному исполнению решения Госарби-

тража об освобождении дома, находившегося в арендном пользовании конторы «Главвтормета» и заселенного работниками этой конторы в период действия арендного договора.

Исходя из этого следует признать, что настоящее дело принято к судебному рассмотрению неправильно, так как для принудительного исполнения решения Госарбитража санкции суда не требуется.

В соответствии с положением о Госарбитраже (постановление ЦИК и СНК СССР от 3 мая 1931 г.) решения Госарбитража приводятся в исполнение самими сторонами в сроки, указанные Госарбитражем. Решения же, не исполненные самими сторонами в установленный срок, приводятся в исполнение принудительным порядком, а должностные лица, не выполнившие решения, могут привлекаться к дисциплинарной или уголовной ответственности.

Что же касается лиц, проживающих в спорном помещении, куда они вселились правомерно, то решение Госарбитража их жилищных прав не затрагивает. Указанные лица в принудительном порядке могут быть выселены лишь при наличии законных оснований. В данном же случае их выселение по требованию Горьковского речного порта или по требованию конторы «Главвтормет», обязанной по решению Госарбитража освободить арендовавшееся у порта помещение, может быть произведено в судебном порядке только на основании ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., то есть с возложением на истца обязанности обеспечить выселяемых другой годной для жилья площадью.

Таким образом, Горьковский речной порт, не добившись в соответствии с решением Госарбитража освобождения конторой «Главвтормет» арендованного помещения, мог предъявить в суде иск о выселении проживающих в этом помещении лиц лишь в порядке ст. 32 указанного выше закона, имея при этом ко времени предъявления иска конкретную жилую площадь, которая предназначается для выселяемых.

В данном случае требования порта указанным условиям не удовлетворяют, так как иск о выселении заявлен по иным основаниям, исключая возможность рассмотрения этого спора в судебном порядке.

Нельзя согласиться и с определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР о том, что настоящее дело подлежит разрешению применительно к постановлению ЦИК и СНК РСФСР от 4 марта 1929 г. «Об изъятии земель для государственных и общественных надобностей», так как этот закон к правоотношениям сторон никакого отношения не имеет.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 2-го участка Канавинского района г. Горького от 21 ноября 1953 г. и все связанные с ним судебные определения отменить и дело по иску жилищно-коммунального отдела Горьковского порта к Горьковской конторе «Главвтормет» об освобождении арендовавшегося помещения с выселением проживающих в этом помещении жильцов прекратить.

5. КАЖДЫЙ ИЗ СОСОБСТВЕННИКОВ ВПРАВЕ ПРОДАТЬ ДРУГОМУ ЛИЦУ СВОЮ ДОЛЮ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ, НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, МОЖЕТ ЛИ ЭТА ДОЛЯ БЫТЬ ВЫДЕЛЕНА В НАТУРЕ

Определение по делу № 03/447—55. Иск Рассказовой к Царику и Явному о расторжении договора купли-продажи части домовладения

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела 15 октября 1955 г. про-

тест Председателя Верховного суда СССР на судебные решения и определения по иску Рассказовой к Ца-

рику и Явному о расторжении договора купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

Царик и Рассказова во время совместного внебрачного сожительства в 1949 году построили на земельном участке, отведенном Царику, небольшой дом, состоящий из одной комнаты и кухни, возвели на участке сарай и другие надворные постройки. В связи с ухудшением отношений с Рассказовой Царик в 1950 году предъявил в суде иск о выселении Рассказовой. Рассказова предъявила встречный иск о признании за ней права собственности на половину дома.

Народный суд 2-го участка Дарницкого района г. Киева 21 марта 1950 г. в иске Царику к Рассказовой о выселении отказал, встречный иск удовлетворил и признал за Рассказовой право собственности на половину дома.

По мировому соглашению от 21 марта 1950 г. стороны определили порядок пользования домовладением (Царику остается комната и сарай, а Рассказовой — кухня, коридор, кладовка, погреб и летняя кухня).

Решение народного суда 2-го участка Дарницкого района г. Киева от 21 марта 1950 г. как не обжалованное сторонами вошло в законную силу, после чего Царик 3 апреля 1953 г., то есть через три года после разрешения дела в суде, продал по нотариально удостоверенному договору свою половину домовладения Явному за 9000 руб. Явный с семьей из пяти человек вселился в дом (занял комнату Царика), а Рассказова осталась проживать в кухне. В ее же пользовании остались остальные постройки.

Впоследствии 13 ноября 1953 г. Верховный суд Украинской ССР отменил в порядке надзора решение народного суда от 21 марта 1950 г. и направил дело на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела Рассказова изменила свое требование, просила признать за ней право собственности на все домовладение с тем, что она стоимость $\frac{1}{2}$ части домовладения возместит Царику. Кроме того, она просила расторгнуть договор купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения, заключенный между Цариком и Явным.

Дело разрешалось вначале в народном суде, а после отмены решения народного суда было принято к производству Киевского областного суда.

Решением от 7 февраля и дополнительным определением от 31 марта 1955 г. областной суд постановил передать все домовладение Рассказовой, с которой взыскал в пользу Царика 6750 руб. компенсации за причитающуюся на его долю $\frac{1}{2}$ части домовладения, договор купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения, заключенный между Цариком и Явным, расторгнул с приведением сторон в первоначальное положение.

Верховный суд Украинской ССР 4 марта 1955 г. решение областного суда оставил в силе.

Председатель Верховного суда СССР в протесте просит отменить решение и определение суда в части расторжения между Цариком и Явным договора купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения и в иске Рассказовой в этой части отказать.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

По делу бесспорно установлено, что Царик имеет право собственности на $\frac{1}{2}$ часть спорного домовладения. Согласно ст. 58 ГК Украинской ССР собственнику принадлежит в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом.

Поэтому признав, что Царик имеет право на $\frac{1}{2}$ часть домовладения, суд не имел законных оснований лишать Царика права распорядиться его частью домовладения.

Доводы суда о том, что дом в натуре нельзя разделить на две равные части и что поэтому Царик не

имел права продавать свою часть дома Явному, не основаны на законе.

Закон не запрещает собственникам отчуждать принадлежащую им часть в общем имуществе и в том случае, если эта часть не может быть выделена в натуре. К тому же, как это видно из дела, Царик продал Явному $\frac{1}{2}$ часть домовладения в идеальной доле, а не в натуре. Договор купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения, заключенный между Цариком и Явным, удостоверен нотариусом с соблюдением всех требований закона, в частности, с соблюдением ст. 60 ГК Украинской ССР.

С учетом этих обстоятельств и того, что Рассказова не воспользовалась (несмотря на разъяснение нотариуса) правом преимущественной покупки отчуждаемой части домовладения, у суда не было оснований к расторжению договора между Цариком и Явным.

Разрешая дело в этой части, суд неосновательно не учел, что Явный добросовестно приобрел $\frac{1}{2}$ часть домовладения, в связи с чем в силу

ст. 60 ГК УССР она не может быть изъята у него. Также неосновательно не учел суд и того, что Явный с семьей из пяти человек уже давно (свыше двух лет) проживает в указанном доме, другой жилой площади не имеет.

Если между Рассказовой и Явным возникает спор о порядке пользования их общим домовладением, то этот спор может быть разрешен в судебном порядке (по иску заинтересованной стороны).

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все судебные решения в части расторжения договора купли-продажи $\frac{1}{2}$ части домовладения, заключенного между Цариком и Явным, и в иске Рассказовой в этой части отказать. Отменить также судебные решения в части, которой все домовладение передано в собственность Рассказовой, а с нее в пользу Царика взыскано 6750 руб.

Решение суда в части признания за Рассказовой права собственности на $\frac{1}{2}$ часть домовладения (в идеальной доле) оставить в силе.

6. В СЛУЧАЕ ВЫЕЗДА СЪЕМЩИКА ИЗ КВАРТИРЫ ПРАВО НА ЭТУ ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО ЗА ЕГО ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ, ЕСЛИ ОНИ КО ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПЛОЩАДИ НА НЕЙ НЕ ПРОЖИВАЛИ И НЕ ЯВЛЯЛИСЬ СЪЕМЩИКАМИ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ

Определение по делу № 03/399—55. Иск домоуправления № 333 г. Риги к Купчсу Г. Я. и Купчс Л. И. о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела 21 сентября 1955 г. протест Генерального Прокурора СССР на постановление Президиума Верховного суда Латвийской ССР от 5 октября 1954 г. по иску домоуправления № 333 г. Риги к Купчсу Г. Я. и Купчс Л. И. о выселении и по встречному иску Купчса Г. Я. о признании за ним права на жилую площадь.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Купчс Янус с 1945 года являлся съемщиком квартиры № 11 в доме №1 по улице Ганибу Дамбис в г. Риге. В августе 1953 года он эту квартиру освободил, однако жилищные органы были лишены возможности распорядиться ею, так как в указанную квартиру самоуправно вселились Купчс Гунар и Купчс Лизета. В связи с этим домоуправление

предъявило в суде иск о выселении из квартиры Купчса Г. Я. и Купчс Л. И.

Купчс Гунар предъявил встречный иск о признании за ним права на эту площадь по тем основаниям, что он является сыном съемщика этой площади — Купчса Януса.

Народный суд 3-го участка Сталинского района г. Риги 25 мая 1954 г. постановил выселить ответчиков из занимаемой ими квартиры, в удовлетворении же встречного иска Купчса Гунара о закреплении за ним права на спорную площадь отказал.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Латвийской ССР это решение оставила в силе.

Президиум Верховного суда Латвийской ССР по протесту прокурора республики 5 октября 1954 г. оставил в силе первое решение народного суда от 25 мая 1954 г., по которому ответчики подлежат выселению, а все последующие решения и определения отменил.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просит отменить постановление президиума Верховного суда Латвийской ССР и оставить в силе решение народного суда от 21 июля 1954 г., которым в иске домоуправления к Купчсу о выселении отказано.

В протесте указывается, что ответчик Купчс Гунар является сыном основного съемщика — Купчса Януса, поэтому он имеет право на эту площадь независимо от того, что основным съемщиком эту площадь освободил.

Протест содержит утверждение, что для разрешения дела не имеет значения то обстоятельство, что Купчс Гунар был выписан из этой площади в июле 1953 года, так как он был выписан без его на то согласия и в связи с выездом на работу в колхоз.

Протест не подлежит удовлетворению.

Из дела видно, что съемщиком спорной квартиры с 1945 года являлся Купчс Янус. Ответчики по делу — Купчс Лизета и Купчс Гунар вследствие плохих взаимоотношений с Купчсом Янусом совместно с ним не проживали, а жили в г. Слока, где они имеют свой собственный дом.

В декабре 1952 года Купчс Янус разрешил Купчсу Гунару проживать с ним в его квартире. Однако жил там Купчс Гунар всего несколько месяцев, после чего женился и перешел на жительство к своей жене. Утверждения в протесте, что Купчс Гунар был выписан в связи с выездом на временную работу в колхоз, опровергаются материалами дела, из которых видно, что он был выписан в связи с переходом на жительство к жене.

Купчс Гунар пытался утверждать, что он был выписан без его согласия. Однако свидетели Смитлинеце и Дзевелис показали, что Купчс Гунар сам ходил в домоуправление и сам оформлял выписку со спорной площади.

При наличии таких обстоятельств, свидетельствующих о том, что бывший съемщик спорной площади — Купчс Янус ко времени освобождения им этой площади жил отдельно от ответчиков, президиум Верховного суда Латвийской республики пришел к правильному выводу о том, что ответчики не имеют права требовать закрепления за ними этой площади только потому, что они являются членами семьи бывшего съемщика этой площади.

Оснований к отмене постановления президиума Верховного суда Латвийской ССР не усматривается, поэтому Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: протест отклонить.

**7. ЛИЦО, НЕПРАВОМОЧНО ПОЛУЧИВШЕЕ ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ
В ВЕДОМСТВЕННОМ ДОМЕ И НЕ СОСТОЯЩЕЕ С ЭТИМ ВЕДОМСТВОМ
В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ, МОЖЕТ БЫТЬ ВЫСЕЛЕНО ИЗ КВАРТИРЫ БЕЗ
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДРУГОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ**

*Определение по делу № 03/415—55. Иск жилищно-коммунальной
конторы строительного-монтажного треста № 109 Главмосстроя
к Барандовой А. И. о выселении*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела 28 сентября 1955 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 8-го участка Ждановского района Москвы от 19 марта 1955 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 19 мая 1955 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 10 августа 1955 г. по иску жилищно-коммунальной конторы строительного-монтажного треста № 109 Главмосстроя к Барандовой о выселении.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Жилищно-коммунальная контора строительного-монтажного треста № 109 Главмосстроя предъявила иск к Барандовой о выселении из комнаты размером 17 кв. м., указывая на то, что эта комната была предоставлена ответчице незаконно.

Народный суд 7-го участка Ждановского района Москвы 14 декабря 1954 г. в иске о выселении Барандовой отказал.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда от 14 января 1955 г. решение народного суда отменила.

При новом рассмотрении дела народный суд 8-го участка того же района 19 марта 1955 г. иск конторы удовлетворил.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда 19 мая 1955 г. решение народного суда от 19 марта 1955 г. оставила в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в порядке надзора, 10 августа 1955 г. оставила

в силе решение народного суда от 19 марта 1955 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 19 мая 1955 г.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала что в деле имеется достаточно доказательств, свидетельствующих о незаконном получении Барандовой спорной жилой площади.

Из дела видно, что в мае 1954 года в трест № 109 поступили сигналы о том, что ведомственная жилая площадь незаконно передается в пользование лиц, не состоящих с трестом в трудовых отношениях. В числе этих лиц указывалась и Барандова.

Соответствующей проверкой установлено, что заместитель управляющего трестом и начальник жилищно-коммунальной конторы действительно незаконно выдали Барандовой ордер на комнату размером 17 кв. м.

Проверкой было установлено, и это обстоятельство никем, в том числе и ответчицей не оспаривается, что указанный ордер на спорную комнату был выдан Барандовой в связи с назначением ее якобы на должность заведующей детскими яслями в поселке Люблино.

Между тем, как оказалось при проверке, таких яслей не существовало и не существует, ответчица ни на какую работу в трест не принималась, а как ранее работала, так и продолжает работать заведующей аптекой Центральной поликлиники Министерства здравоохранения СССР и до получения комнаты проживала вместе с родителями, занимающими две комнаты.

Должностные лица строительномонтажного треста, выдавшие незаконно ордер на жилую площадь в ведомственном доме лицу, которое не состоит с трестом в трудовых отношениях, понесли наказание в дисциплинарном порядке.

Коллегия находит, что доводы, изложенные в протесте о том, что рабочие и служащие подлежат выселению только с предоставлением другой жилой площади, неправильны. Согласно закону Барандова могла бы быть выселена с предоставлением другой жилой площади в том случае, если бы Барандова получила площадь на законном основании, в связи с трудовыми отношениями.

Барандова же жилую площадь получила незаконно.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и

улучшении жилищного хозяйства в городах», свободные жилые помещения в домах государственных учреждений, предприятий и общественных организаций предоставляются в пользование лишь работникам этих учреждений, предприятий и организаций (ст. 23). Поскольку ответчица работником строительномонтажного треста не являлась, народный суд 8-го участка Ждановского района Москвы правильно вынес решение об удовлетворении иска о выселении Барандовой.

В силу изложенного Судебная коллегия определила:

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда 8-го участка Ждановского района Москвы и определения судебных коллегий по гражданским делам Московского городского суда и Верховного суда РСФСР отклонить.

СЛОВО

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	1
Определения коллегий по уголовным делам Верховного суда СССР	4
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	35

№0057893

ЮФ СПбГУ

Главный редактор *В. А. Успенский*

Издатель: Государственное издательство юридической литературы
Москва, Ж-4, Товарищеский пер., 19

Сдано в набор 7/1 1956 г. Подписано к печати 27/1 1956 г.
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}. Объем физ. печ. л. 3; условн. печ. л. 4,11; учетн. изд. л. 3,80.
Тираж 45 580 экз. А-00526. Заказ 625 Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
13-я типография, Москва, Гарднеровский пер., 1а.